

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛИЗА МАРКЛУНД

БЕССЛЕДНО
ИСЧЕЗНУВШАЯ

«Королева скандинавского криминального романа»

Хеннинг Манкель

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Бесследно исчезнувшая

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Марклунд Л.

Бесследно исчезнувшая / Л. Марклунд — «Центрполиграф»,
2013 — (Анника Бенгтзон)

ISBN 978-5-227-07157-6

Промозглым дождливым майским днем в собственном доме в пригороде Стокгольма найден без сознания недавно ушедший в отставку политик Ингемар Лерберг. На его теле – следы чудовищных пыток. Репортер крупной столичной газеты Анника Бенгтзон, известная острыми материалами и расследованиями, заинтересовалась происшествием. Профессиональная интуиция подсказывает ей, что дело обещает быть интересным и запутанным. Лерберг в коме и вряд ли выживет, а бесследное исчезновение его жены удивительно напоминает историю, произошедшую с другой женщиной много лет назад...

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-07157-6

© Марклунд Л., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог	6
Понедельник. 13 мая	8
Вторник. 14 мая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиза Марклунд

Бесследно исчезнувшая

LIZA MARKLUND
LYCKLIGA GATAN

© Liza Marklund 2013

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

Пролог

Человек способен воспринимать боль до определенного предела. Потом он отключается. Сознание гаснет мгновенно, подобно тому, как срабатывает предохранитель в перегруженной электросети.

Удержаться по нужную сторону этой границы позволят только трезвый расчет и умение чувствовать ситуацию.

Мужчина с молотком в руке рассматривал лежащего на кровати индивида без намека на раздражение.

– Тебе решать, – сказал он. – Мы закончим, когда захочешь.

Реакции не последовало. Но мужчина был абсолютно уверен: его прекрасно слышат. Как раз этот клиент (он обычно думал обо всех тех, с кем ему поручали поработать, именно таким образом) оказался довольно приличным экземпляром *homo sapiens*. Хорошо развитая мускулатура, здоровый цвет кожи, тонкий слой подкожного жира. Кроме того, идеологически подкованный и готовый бороться за свои убеждения, что уже само по себе обещало сложное задание. Сейчас индивид прекратил трепыхаться, он неподвижно лежал на кровати в брюках и рубашке. Скотч вокруг запястий и лодыжек больше не требовался, остался только закрывавший рот.

Мужчина посмотрел на своего брата-близнеца, собственную точную копию, стоявшего по другую сторону кровати, и они кивнули друг другу. Брат-близнец склонился над ящиком с инструментами и после недолгих поисков извлек одетой в перчатку рукой шило. Мужчина с молотком в очередной раз кивнул, одобряя такой выбор.

Потом он на короткое время закрыл глаза, чтобы сфокусироваться на дыхании и убедиться, что тело полностью подвластно ему, и в какое-то мгновение остро ощутил нехватку своего «магнума».

Но куда деваться, если они целиком и полностью отказались от использования в качестве рабочего инструмента огнестрельного оружия. Оно производило шум, несмотря на глушитель, и теперь ему хотя бы не требовалось больше беспокоиться об ухудшении слуха, которое этот шум в первую очередь влек за собой. (Одно время обсуждалась идея, чтобы они носили наушники, но от нее отказались, поскольку те слишком бросались в глаза.) Опять же общество бурно реагировало на вид огнестрельного оружия, в то время как на веревки и ящики с обычным набором слесарного инструмента никто внимания не обращал.

Он заметил, что его мысли ушли в сторону, и дружелюбно, но решительно вернул их к проблеме дыхания. Потом открыл глаза и посмотрел на клиента.

– Сейчас ты получишь шанс ответить, – сказал он мягко. – Если закричишь или сделаешь какую-то глупость, тебе будет больно.

Клиент никак не отреагировал. Его глаза оставались закрытыми, а дыхание через нос – тяжелым. Мужчина оторвал скотч на несколько сантиметров, только приоткрыв уголок рта.

– Ты готов? – спросил он. – Твои неприятности могут сразу же закончиться.

Он отклеил ленту еще немного. Его подопечный втянул воздух ртом, и из его горла вырвался булькающий звук. Он закашлялся, брызги слюны вылетели наружу через узкую щелку между губами.

Мужчина наклонился к уху клиента, прошептал вкрадчиво:

– Где она?

Дыхание клиента стало прерывистым. Он явно услышал вопрос, его глазные яблоки задвигались интенсивнее под тонкими веками, тело напряглось.

Мужчина наклонился еще ниже.

– Что ты сказал? – прошептал он. – Я не расслышал...

Клиент попытался говорить, его кадык дернулся. Результат этих усилий скорее напоминал стон, чем слова.

– Не... знаю...

Мужчина вздохнул и увидел, что его копия сделала то же самое.

– Печально, – сказал он и прижал скотч ко рту клиента. Его нижняя сторона стала влажной от слюны и отказывалась приклеиваться, в следующий раз стоило использовать новую полоску. – Тогда посмотрим, как у тебя все выглядит под рубашкой, – сказал мужчина и расстегнул пуговицы на ней.

Две слезы побежали по щекам из закрытых глаз клиента.

– Попытайся не плакать, – сказала точная копия мужчины с молотком. – Носовые ходы распухнут, тебе будет трудно дышать.

Клиент постарался последовать данному ему совету. Это был хороший знак. Мужчина с молотком осторожно дотронулся до ребер клиента, и тот застонал при его прикосновении. Синяк распространился вниз вдоль бока и в сторону пупка, четко обозначились места переломов под кожей.

– Сейчас мы займемся третьим, – сказал мужчина и поднял свой инструмент.

Его копия оттянула вверх веко клиента, зрачок уменьшился, когда свет попал в глаз. Рефлексы работали. Мужчина с молотком провел пальцами по груди клиента, тщательно выбрал место и нанес в меру сильный удар. Ребро сломалось с глухим, напоминавшим щелчок звуком, тело вздрогнуло. Дыхание участилось и стало поверхностным, индивид на кровати вот-вот мог потерять сознание снова.

Брат-близнец наклонился на клиентом:

– Тебе просто надо рассказать. Потом все закончится.

Глаза клиента закатились, так что виднелись одни белки. Брат-близнец крепче сжал шило в руке.

– Где Нора?

Мы стояли в саду под яблонями. Была весна, цвели деревья, яркий солнечный свет пробивался сквозь кроны. Я помню звук шмелей среди листвы. Утром прошел дождь, и его капли еще прятались в развилках ветвей. Я прижимала к себе моего малыша, ему исполнилось всего пять дней. Исака, моего первенца. Я кутала его в одеяло от ветра, а Ингемар обнимал нас обоих. Я помню ощущение нежной кожи сына на своей щеке, его запах, руки мужа вокруг моих плеч. Мы стояли там, плотно прижавшись друг к другу, все трое, и для нас тогда не существовало ничего более важного на всей земле.

Это воспоминание часто посещает меня. Когда мне надо представить картинку абсолютного счастья, я вижу себя с Исаком и Ингемаром под яблоней, ведь именно такое ощущение у меня вызывает эта сцена.

Понедельник. 13 мая

Прежде всего она обратила внимание на тишину. Собака молчала. Обычно псина стояла рядом с гаражными воротами и заходилась лаем, просто бесновалась, натягивала цепь, пока ошейник не начинал давить ей на горло, превращая ее лай в громкий хрип.

Она всегда считала эту псину немного ненормальной. Будь собака человеком, ей бы точно поставили диагноз, в этом у нее не было сомнения. Хотя собака выглядела красивой – черная блестящая шерсть, большие сильные лапы, – общую картину портили косые глаза и слишком крупные зубы. И вообще псина производила впечатление неконтролируемой и опасной. И, не услышав лая, она испытала мимолетное и неясное облегчение.

Это ощущение исчезло, когда она подошла к задней двери и обнаружила, что та не заперта. Она открыла ее беззвучно и встала в дверном проеме, почувствовала, как поток сухого, хранившего домашнее тепло воздуха ударил ей в лицо.

Каждый шорох громом отдавался в тишине. Потом она уловила запах. Он не был отталкивающим, просто каким-то чужим. Немного сладковатым и одновременно резким. Явно посторонним.

Она шагнула в чулан-прачечную и как можно тише закрыла за собой дверь. Ее беспокойство усилилось. По-прежнему было очень тихо. Она слышала, как удары ее собственного сердца эхом отдаются в голове.

Она медленно наклонилась и бесшумно сняла сапоги. Вокруг них уже натекла небольшая лужица. Рефлекторно потянувшись за лежавшей на скамье тряпкой и вытерла воду. Ее домашние тапочки стояли рядом со стиральной машиной, но она почему-то не стала их надевать. Сунула перчатки в карманы пальто, сняла его, а затем вместе с шапкой и шарфом повесила на крючок рядом с задней дверью. Туда же пристроила и сумочку. И в одних носках направилась в сторону кухни. Запах усилился.

Над мойкой горел свет.

«Третье несоответствие, – подумала она. – Собака, задняя дверь, освещение мойки. Экологическое сознание. Надо беречь окружающую среду. Экономить электричество. Репутация даже в такой мелочи важна для политика. Быть хорошим примером для избирателей, образцом для них».

Она выключила освещение, обошла мойку и вошла в прихожую.

Там лежала собака.

Сначала она решила, что это другой пес. Он выглядел таким маленьким. Смерть как бы высосала его изнутри. Вся та энергия, которую он излучал при жизни, покинула его, и сейчас он напоминал брошенную на ковре тряпку с персидским узором. Ей обычно не удавалось навести нужную чистоту при помощи пылесоса, всегда приходилось использовать еще и роликовую швабру. Кровь собаки не впиталась в искусственные нити, а растеклась сверху и, высохнув, превратилась в коричневую лепешку.

Ее дыхание участилось. Под мышками выступил пот, как с ней обычно случалось, когда уровень шума зашкаливал, если, например, ученики ее старой школы уставали смотреть в книги и принимались стучать каблуками по полу. Она попыталась взять себя в руки.

Она никогда не любила эту собаку. Ее звали Стефан. Как можно дать животному такое имя?

Она продолжила путь, почти прижимаясь к стене, и вышла в гостиную. Шторы были опущены. Она моргнула несколько раз в темноте. Там было пусто, воздух застоявшийся, спертый. Она сглотнула комок в горле. Ей надо убираться отсюда. Немедленно.

Собаку наверняка убили. Не о несчастном же случае шла речь. Но зачем кому-то понадобилось это делать?

Послышался какой-то звук. Кто-то стонал. Или, пожалуй, кашлял. Глухой звук. Мужчина.

Она замерла на полушаге.

Звук долетал откуда-то сверху, из спальни.

Она посмотрела в направлении лестницы.

Муж не должен был увидеть ее. Как она смогла бы объяснить свое здесь нахождение? Впрочем, дверь стояла открытой, незапертой. Кто угодно мог войти.

Она снова бросила взгляд на собаку.

Он, наверное, и убил ее? Зачем ему это понадобилось? Что-то случилось с детьми? А вдруг они находятся там, наверху?

Она вроде бы слышала какой-то шум на втором этаже, но, возможно, ей показалось.

Как же поступить? Дом должен был стоять пустым. Запертым и без света.

Она оставалась в прихожей несколько минут или того меньше. Потом вытерла взмокшие ладони о брючины, быстро прошла мимо собаки и поспешила вверх по лестнице, прежде чем успела передумать. Она перешагнула пятую и седьмую ступеньки, которые скрипели.

Дверь в детскую комнату была закрыта, она осторожно отворила ее, знала, что та не скрипнет. Сама смазала петли маслом всего несколько недель назад. Жалюзи с кроликами оказались опущенными. Игрушечные зверюшки лежали в своих кроватках. Детские же кровати, Исака, Самуэля и малышки Элизабет в самом дальнем от окна углу, застелены и нетронуты. Она вздохнула с облегчением, закрыла за собой дверь и направилась к большой спальне.

Главу семьи она обнаружила на двуспальной кровати, если, конечно, это был он. Она видела его лишь на свадебной фотографии и сейчас не могла узнать. Рот был открыт, передние зубы отсутствовали. Тело лежало в неестественной позе, она и представить не могла, что руки и ноги могут принять такое положение. Он был в брюках и рубашке. Никаких носков. Подошвы ног сплошь в ранах.

Она уставилась на мужчину и почувствовала, что ее тело наполняется тяжестью и теплотой, они исходили откуда-то изнутри и, вырываясь наружу, не давали ей нормально дышать.

Кто-то сделал это с ним. А вдруг изувер еще находится в доме?

Из горла мужчины послышался булькающий звук. У нее начали подгибаться колени, она, покачиваясь, спиной вперед вышла в холл второго этажа, восстановила равновесие и, миновав детскую комнату, спустилась по лестнице, обогнула труп собаки, прошла в кухню и далее в чулан-прачечную. Пот струился по ее телу, когда она возилась с пуговицами пальто. Она плакала, запирая за собой заднюю дверь, от тоски и, пожалуй, немного от чувства вины.

Лифт звякнул, затормозил и с характерным звуком распахнул двери. Нина Хофман с сомнением посмотрела на цифровое табло: туда ли она приехала?

Она шагнула наружу; двери закрылись у нее за спиной. Глухой низкий звук поведал о том, что лифт исчез, растворился в этом герметично закрытом здании. Она осталась одна в тишине.

Ну, все правильно, нужная лестничная площадка и нужный этаж.

Слева от нее находилась стеклянная дверь с сигнализацией и кодовым замком.

Нина подошла к ней и нажала на кнопку, которая, по ее мнению, служила звонком. Никакого звука.

Она стояла и ждала, во рту у нее пересохло. Один из лифтов проехал мимо, она не смогла оценить, направлялся он вверх или вниз. На мгновение ей стало не по себе от этой неопределенности. Что, собственно, она делает? Неужели действительно собирается войти в ту же реку снова?

Потом она слышала приближавшийся приглушенный стук каблуков. По другую сторону стеклянной двери внезапно появилось лицо. Нина невольно отступила на шаг.

– Нина Хофман? – Перед ней стояла миниатюрная блондинка с пышными формами на высоких каблуках. Вылитая кукла Барби. – Добро пожаловать в Государственную криминальную полицию. Входи.

Нина шагнула в находившийся за дверью коридор. Потолок в нем оказался очень низким. Где-то жужжал вентилятор. Пол был отполирован до блеска.

– Мне надо пройти вводный курс, – объяснила Нина. – Ты, пожалуй, можешь подсказать, куда мне сейчас...

– Шеф нашей разведслужбы захотел сразу же переговорить с тобой. Ты знаешь, где он сидит?

Откуда ей могло быть это известно?

– Нет, – ответила она.

Кукла Барби объяснила.

На каждый шаг Нины пол реагировал глухим звуком, который, как ни странно, не сопровождался эхом. Она проходила мимо открытых дверей. До нее долетали обрывки разговоров. Дневной свет попадал внутрь через окна, расположенные под самым потолком. В конце коридора она повернула налево и попала в угловую комнату с видом на Бергсгатан.

– Входи, Нина.

Комиссар К. поднялся по служебной лестнице. Он покинул отдел насильственных преступлений полиции Стокгольма и стал шефом КРС Государственной криминальной полиции – Криминальной разведслужбы.

Она вошла в комнату, расстегнула куртку.

– Добро пожаловать в ГКП, – сказал он.

Это явно была стандартная фраза для приветствия новых сотрудников.

– Спасибо.

Она изучала мужчину, сидящего за письменным столом, стараясь делать это незаметно. Его пестрая гавайская рубашка резко контрастировала с окружающей обстановкой. Им приходилось общаться раньше, когда полицейского Давида Линдхольма нашли убитым (когда она нашла Давида убитым), и ей стало интересно, упомянет ли он об этом. Его письменный стол был абсолютно чист, за исключением кофейной чашки, ноутбука и двух тонких папок. Шеф КРС поднялся, обошел его и поздоровался с ней за руку.

– Уже научилась ориентироваться в нашем лабиринте? – спросил он и показал на стул для посетителей.

Когда бы она успела это сделать? Появилась здесь пять минут назад.

– Нет еще.

Нина повесила куртку на спинку стула и села. Стул оказался жестким и неудобным. Комиссар вернулся на свое место, отклонился назад и внимательно посмотрел на нее.

– Ты должна пройти вводный курс сегодня, не так ли?

Ей сказали, что на это уйдет целая неделя.

– Да, все правильно.

Он подтянул к себе одну из папок, надел очки, взял первую страницу и прочитал вслух из ее резюме.

– Школа полиции. Потом полицейский округ Катарины в Сёдермальме, стажер, аспирант, инспектор. Затем учеба снова, Стокгольмский университет, двести сорок пунктов по поведенческим наукам. Криминология, социальная психология, курс этнологии. – Он посмотрел на нее поверх очков. – Почему поведенческие науки?

«Потому что я запуталась, потому что хочу понимать людей».

– Это показалось... интересным.

– Ты говоришь по-испански, насколько я понял? И по-немецки, и по-португальски?

– Я выросла на Тенерифе. Мой отец по национальности немец. Я понимаю по-португальски, но говорю не особенно хорошо.

– Английский?

– Угу.

Комиссар закрыл папку.

– Принимая эту должность, я настоял на праве набрать сюда немного моих собственных людей. И хочу видеть тебя здесь.

Она не ответила, лишь внимательно наблюдала за ним. Что он имел в виду? Почему упомянул ее образование?

Комиссар отложил в сторону папку и сдвинул очки на лоб.

– Почему ты закончила в Катарине? И решила начать снова?

Нина молча смотрела на него какое-то время.

«Потому что несколько поколений моей семьи были связаны с криминалом. Потому что и я выбрала ту же стезю, хотя и двигалась с другой стороны. Потому что я застрелила моего брата на наркоферме в Марокко».

– Почувствовала, что хочу развиваться... и у меня есть опыт, чтобы принести пользу.

Комиссар кивнул снова, спокойно посмотрел на нее.

– Мы не используем здесь полицейский жаргон, – сказал он. – Ищем все нестандартное, у нас любые отклонения в почете. Нам нужны женщины, педики, черные, лесбиянки, академики, все, кто хоть чем-то отличаются от нормы.

Неужели он тем самым пытался шокировать ее? В таком случае ему требовалось попробовать что-то покрепче. Или он выяснял ее сексуальные предпочтения?

Нина не ответила.

Комиссар еле заметно улыбнулся.

– Поскольку ты квалифицированный полицейский, у тебя есть все профессиональные навыки, ты умеешь проводить допросы в той мере, насколько найдешь это необходимым. Но нам ты нужна в качестве оперативного аналитика. Тебе действительно так важно пройти вводный курс?

Нина посмотрела на него, ничего не ответив.

– Я имею в виду, что ты и так сумеешь справиться, Ламия организует для тебя пропуск и компьютер, а познакомиться с коллегами ты сможешь и потом.

Ламией звали встретившую ее блондинку.

Нина с удовольствием прошла бы вводный курс. Она сомневалась, справится ли с упомянутой комиссаром процедурой. Систему наверняка усовершенствовали за четыре года, прошедшие с тех пор, как она ушла из полиции.

Шеф КРС воспринял ее молчание как положительный ответ.

– Ты знаешь, кто такой Ингемар Лерберг? – спросил он.

На поиски в памяти у нее ушли доли секунды – ушедший в отставку политик.

– Конечно, знаю.

Комиссар открыл вторую папку и вернул очки на нос.

– Лерберга нашли избитым в его собственном доме в районе Солсидан в Сальтшёбадене, он вряд ли выживет. Мы получили просьбу о помощи от полиции Наки, у тебя есть там какие-то контакты?

«Солсидан, это же вроде комедийный телесериал?» – припомнила Нина.

– Нет, непосредственно ни с кем не знакома.

Комиссар протянул ей папку через письменный стол.

– Мы создадим следственную группу сегодня в течение дня, два-три человека для начала. Я хотел бы, чтобы ты прокатилась туда и посмотрела. Не бойся спрашивать, если у тебя есть какие-то вопросы, смотри на это как на первое задание.

Комиссар поднял на нее глаза и откинулся на спинку кресла.

— Мы соберемся в совещательной комнате завтра в девять утра. Возьми с собой все необходимое. Ламия организует для тебя машину.

* * *

Дом стоял уединенно в конце улицы, недалеко от маленькой станции.

Анника Бенгтзон выключила дворники, наклонилась вперед и, прищурившись, посмотрела сквозь ветровое стекло. Обдуватель гнал ей в лицо спертый теплый воздух, она отключила его и окинула взглядом улицу.

Полиция Наки оградила разворотную площадку и кусок дороги, весь земельный участок и часть соседского газона. Большинство других журналистов уже припарковали машины на обочине и либо сидели в жаре за запотевшими стеклами, либо болтались у ограждений. В первом новостном сообщении утверждалось, что Ингемар Лерберг мертв, но потом сообщение изменили на «получил тяжелые повреждения». Исходная ошибка, пожалуй, и объясняла столь неординарный интерес средств массовой информации. Убитый политик ведь всегда оставался убитым политиком, даже если он просиживал штаны в социальной комиссии Наки. А Лерберг вдобавок являлся скандально известным членом риксдага из тех, чьих фотографий всегда хватало в архиве.

Анника глубоко вздохнула. Насилие по-прежнему вызывало у нее панические атаки, почти столь же сильные, как и большие скопления журналистов.

Она решила не покидать машину как можно дольше.

Сам жилой дом находился в дальней части земельного участка, и его немного скрывали от дороги редкая живая изгородь из кустов сирени и несколько яблонь, сейчас насквозь пропитанных водой. А позади него возвышался каменистый холм, серо-желтый из-за торчавших из него гранитных валунов и чахлой растительности. В самой хибаре не было ничего особо примечательного. Покрашенную в красный цвет, с белыми углами, ломаной крышей, ее, вероятно, построили в 20-х годах прошлого столетия, но обновили, переделав фасад и поставив панорамные окна, в 70-х. Однако эта попытка осовременить внешний вид не совсем удалась. В любом случае постройка в подметки не годилась уже ставшей притчей во языцех шикарной вилле шефа новостей, и кому-то вряд ли удалось бы заработать дополнительные баллы на возмущении по ее поводу. Хотя с какой стороны посмотреть или, точнее, как написать. Ведь для ее проживавшей в Хеллефорснесе матери перестроенный деревянный домишко в Сальтшёбадене все равно представлялся роскошным особняком. Подобное могло работать.

На какое-то мгновение Анника задумалась по поводу собственного столь прагматичного отношения к делу: откуда оно, интересно, возникло?

Лерберга отправили в больницу, вот и все, что она знала. На Ютьюбе уже выложили снятый на камеру мобильного телефона фильм, показывавший, как его увозили на «скорой». Пелле-фотограф пообщался с правообладателем и отправил письмо о возможности использовать фильм на сайте «Квельспрессен», однако проиграл более богатому «Конкуренту».

Дождь, похоже, не собирался прекращаться. Большой автобус телевизионщиков повернул на узкую улицу и припарковался так, что Анника больше не могла видеть дом. Придется выбираться наружу. Она выключила мотор, накинула капюшон куртки, повесила сумку через плечо, взяла треногу и вышла из машины. Ветер сразу же вцепился в ее верхнюю одежду. Было ужасно холодно. Она коротко поздоровалась с сотрудниками ТВ-4 и «Моргонтидинген», но сделала вид, что не заметила Боссе из «Конкурента», который разговаривал по мобильному телефону в стороне, у разворотной площадки. Анника посмотрела на часы. Конечно, дети не с ней на этой неделе, и отсутствовала необходимость следить за временем, но она в любом случае хотела убраться отсюда как можно быстрее. Джимми взялся приготовить еду на вечер,

и она пообещала прийти домой к ужину. Да здесь и не было ничего эксклюзивного, того, что требовалось бы раскапывать, или необходимости кого-то разоблачать, всего лишь дежурная процедура. Получить несколько картинок для интернет-телевидения и интервью кого-либо из полиции, а потом попытаться склеить некую историю из кусочков фактов.

Избит в собственном доме. Получил тяжёлые повреждения.

Анника установила треногу на улице перед ограждением, всего в нескольких метрах от репортера местного радио, достала из сумки и закрепила видеокамеру.

– Может, тебе подержать зонтик над камерой? – спросил радиореporter, высокий худой мужчина, которого она узнала, пусть и не могла вспомнить его имени.

У него на спине была приемо-передающая аппаратура с четырьмя антеннами и маленькой мигающей лампой, из-за чего он походил на насекомое. Анника улыбнулась ему:

– Огромное спасибо. Хотя моя камера уже научилась плавать, да и, наверное, нырять...

– Совершенно бессмысленно, – согласился человек-насекомое. – И сколько будет лить? Должен ведь дождь кончиться когда-нибудь...

Она воткнула шнур микрофона в специальное гнездо, откашлялась, нажала на запись и встала перед камерой.

– Здесь, в центре этого идиллического района вилл Солсидан в Сальтшёбадене, сегодня утром нашли сильно избитым политика Ингемара Лерберга, – сказала она, глядя в объектив. – Его увезли на «скорой» в Сёдерскую больницу Стокгольма, и он, согласно поступающим оттуда данным, по-прежнему находится в критическом состоянии.

Анника посмотрела на радиореportера:

– Уложились секунд в пятнадцать, не так ли?

– Возможно, в четырнадцать, – сказал он.

Она опустила микрофон, подошла к камере и сняла на нее все вокруг: мокрые от дождя ограждения, толпу журналистов, силуэты, видневшиеся внутри дома сквозь опущенные занавески на втором этаже. Эти кадры она могла использовать в качестве иллюстраций, когда больше узнает о произошедшем. Репортер все еще держал над ней зонтик.

– А здесь не столь шикарно, как я думал, – высказал он свое мнение.

– Адрес, конечно, звучит прелестно, о домах такого не скажешь, – согласилась Анника.

Она выключила камеру и сунула ее в сумку. Репортер отвел в сторону зонтик.

– Ты знаешь, кто поднял тревогу?

– Нет, только то, что это произошло в 9.36.

Анника посмотрела в направлении дома. Не только парень с радио и шеф новостей ожидали чего-то грандиозного. Ингемар Лерберг был политиком, говорившим с активной жестикуляцией и большим апломбом, называвшим себя «бизнесменом» и часто позволявшим себе фотографироваться на борту больших яхт.

– Почему он ушел из риксадага?

– Какая-то история с налогами, – сказала Анника. – С его фирмой. – Она кивком указала в сторону гражданских автомобилей, стоявших перед ограждением. – ГКП?

– Похоже, – кивнул репортер.

Анника снова перевела взгляд на дом. На втором этаже зажегся еще один прожектор, от его резкого бело-голубого света капли дождя за окном заискрились, как маленькие звездочки.

– Если ГКП уже здесь, значит, наверху наверняка творится черт знает что.

– Или полиция Наки пожелала переложить ношу на других, – предположил человек-насекомое.

Она посмотрела на него. А эти новоиспеченные журналисты, оказывается, не так глупы.

– Анника Бенгтзон, – произнес голос за ее спиной.

У нее появилось неприятное ощущение в животе; она бросила взгляд через плечо, но не повернулась.

– Привет, Боссе.

У Анники просто не укладывалось в голове, как она могла когда-то увлечься таким идиотом.

– Как обычно, уже спозаранку пытаешься изменить мир?

Сейчас ей требовалось сделать выбор: либо проигнорировать его, что означало бы объявление войны, либо заговорить с ним, решив, что он не достоин ее возмущения. Она повернулась к нему с улыбкой:

– Как успехи на бирже, Боссе? Не все могут жить на дивиденды.

Боссе любил в кругу знакомых в Пресс-клубе рассказывать о своих безумных спекуляциях с акциями, а также с зачастую взятыми в долг деньгами. По его словам, в охоте в тех джунглях ему на редкость долго везло. Улыбка Боссе стала несколько более натянутой.

– Подумать только, а ты по-прежнему топчешься во всей этой грязи вместе с нами, простыми смертными.

Анника вопросительно приподняла брови.

– Ты же должна сидеть в государственном дворце в Норчёпинге, – продолжил Боссе. – Твой новый дружок явно ведь собирается положить конец иммиграции в Швеции?

До Анники уже доходили слухи, что ее новому бойфренду, Джимми Халениусу, предложили пост генерального директора миграционного департамента. Она театрально вздохнула:

– Боссе, ты разочаровываешь меня. Я думала, ты всегда держишь руку на пульсе.

– Там наверно что-то происходит, – подал голос парень с радио.

Анника быстро достала камеру, направила ее на дом и отрегулировала резкость. Несколько полицейских, двое в униформе и трое в гражданском, вышли на крыльцо. Среди них была молодая, хорошо одетая женщина. Стройная, с широкими плечами, узкими бедрами и длинными каштановыми волосами, лежавшими конским хвостом на спине. Анника почувствовала, как у нее перехватило дыхание, она не могла поверить своим глазам.

– Это же Нина Хофман! – присвистнул Боссе и кивнул в сторону женщины. – Она имела отношение к убийству Давида Линдхольма. Я думал, ее уволили.

Репортеры продолжили болтать, но Анника не слушала, о чем они говорят. Нина Хофман похудела. Она сняла голубые бахилы с туфель и направилась к одному из гражданских автомобилей, не обращая внимания на толпу журналистов.

Анника сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Они встречались в Марокко на ферме Фатимы неподалеку от Асилы. Вероятно, Анника знала о Нине и ее семье более чем кто-то другой.

Оставшиеся на крыльце полицейские продолжали разговор, один из одетых в гражданское мужчин энергично жестикулировал. Наконец он направился к представителям массмедиа. Журналисты кинулись к нему со своими микрофонами. Полицейский остановился в метре от ограждения и обвел их взглядом. Анника оторвала глаза от Нины и тоже направила на него камеру. Парень с радио тоже протянул вперед микрофон.

– Я могу подтвердить, что в находящемся у меня за спиной доме нашли Ингемара Лерберга в бессознательном состоянии, – сказал полицейский и снова обвел пресс-братию строгим взглядом. Благодаря воцарившейся тишине Анника могла слышать шум дождя. – Мы решили сообщить вам эти данные, – продолжил полицейский, – хотя даже кое-кто из его близких еще не проинформирован о случившемся.

– Кто не проинформирован?! – выкрикнула женщина с местного телевидения, стоявшая в самом конце группы.

Полицейский проигнорировал ее вопрос. Тонкий ручеек дождевой воды побежал вниз с его лба.

– Ингемара Лерберга увезли в Сёдерскую больницу, и его как раз сейчас оперируют, нас известили, что исход операции предсказать невозможно.

– Кто позвонил в центр экстренной помощи? – снова подала голос женщина с местного телевидения.

Анника перенесла опору на другую ногу. Полицейский начал раскачиваться на пятках.

– Расследование идет полным ходом, – сказал он. – Руководителем назначена Диана Розенберг, главный прокурор Наки. Мы подробнее проинформируем...

– Кто поднял тревогу? – Женщина с телевидения не сдавалась.

– Сигнал был анонимный, – сообщил полицейский.

– Звонил мужчина или женщина?

– Этого я не могу сказать.

– Не можешь или не хочешь?

Полицейский решил, что с него достаточно, повернулся и пошел обратно к дому. Его волосы прилипли к голове, куртка стала темно-полосатой от дождя.

– Вы видите какие-то мотивы этого избиения?! – крикнула женщина с местного телевидения ему вслед. – Лербергу угрожали? Есть признаки взлома?

Полицейский остановился и посмотрел на нее через плечо.

– Ответы на все вопросы – нет, – сказал он, вжал голову в плечи и поспешил к дому.

Анника опустила камеру и устремила взгляд сквозь толпу в сторону полицейских автомобилей. Она нигде не увидела Нины Хофман.

– Хочешь подвезу тебя до города? – спросила она парня с радио.

– Спасибо, но у меня еще в два прямой эфир.

– Ты слышала о Шюмане? – спросил Боссе.

Анника вопросительно посмотрела на него. Боссе выглядел как кот, только что проглотивший канарейку.

– Он обманом заполучил Большой журналистский приз. Дело касается серии статей об исчезнувшей миллионерше.

Анника приподняла брови:

– Откуда ветер дует?

– Новые данные из Интернета.

«Боже праведный», – подумала она.

– Это был телевизионный документальный фильм, – заметила она и выловила из кармана ключи от машины.

Боссе несколько раз удивленно моргнул.

– Не серия статей, – уточнила Анника. – Шюман получил приз за телевизионный документальный фильм. Оба раза.

Она направилась к машине, махнула рукой человеку-насекомому и залезла в салон. Пока обдуватель набрал обороты и высушил запотевшее с внутренней стороны ветровое стекло, Нина Хофман проехала мимо нее и исчезла за пеленой дождя.

Главный редактор Андерс Шюман изучал хорошо знакомую ему улыбку Ингемара Лерберга на экране своего компьютера: белоснежные зубы, ямочки на щеках, небесно-голубые глаза. Он стоял на причале перед большим танкером, распахнутая спортивная куртка, застегнутая на все пуговицы рубашка, ветер треплет волосы.

Чертовски приятный парень. Они знакомы лет десять, нет, пожалуй, больше – пятнадцать? Пару из них сидели вместе в программном комитете Ротари-клуба, хотя после разоблачения налоговых афер Лерберга («Квельспрессен», естественно, не могла принять какую-то особую точку зрения только из-за того, что ее ответственный издатель был братом-ротарианцем объекта исследования) встречались крайне редко.

У кого возникло желание так жестоко разобраться с ним?

Шюман обновил страницу с целью прочитать последние новости относительно избияния. Анника Бенгтзон выложила в «Твиттере» картинку с места преступления, похоже, средства массовой информации уделили огромное внимание данному случаю. И вроде бы не существовало мотива, никто не угрожал бывшему парламентарии, и следы взлома отсутствовали. Серьезная ситуация.

Он снова вернулся на домашнюю страницу Лерберга (или, точнее, его фирмы, www.itc.se для International Transport Consultans AB). Лерберг был хорошим бизнесменом, его деятельность касалась кораблей и судоходства, речь вроде шла о какой-то цифровой системе для координирования морских грузоперевозок. Кроме того, он занимался вопросом новой гавани в Сальтшёбадене, по-настоящему шикарней – для яхт и круизных судов.

Хотя, конечно, прежде всего он прославился как политик.

Шюман набрал в поисковике «лерберг политик сальтшёбаден». В самом верху оказались несколько попаданий из его собственной газеты, ему всегда доставляло удовольствие, если подобное случалось, даже если он точно знал, что они появлялись там, поскольку предназначались именно для него. Пробежал взглядом вниз по странице и почти в самом конце обнаружил выход на дискуссионный форум, заставивший его податься вперед:

«Слухи о власти имущих в Сальтшёбадене».

Вместе с именем Лерберга и многих других он увидел и свое собственное.

«Андерс Шюман, рыцарь истины».

О чем речь?

Он обычно не гуглил себя самого, не особенно часто во всяком случае. Но сейчас, сгорая от любопытства, кликнул по ссылке. Виньетка начала вращаться на экране, а потом на нем появилась его собственная фотография, сделанная на каком-то празднике. Он стоял с бокалом в руке и широко улыбался в камеру. Глаза слегка блестели. Могли, интересно, сделать снимок после очередных дебатов в Клубе публицистов, например?

«Мы знаем его, все знают его, наш герой, борец за правду. Он спасает нас от злоупотреблений и коррупции. Главный редактор и ответственный издатель «Квельспрессен».

Он наклонился ближе к экрану. Что это, черт возьми, такое?

«Конечно, кое-кто утверждает, что он продал свои моральные и этические принципы семейству владельцев и пожертвовал их на алтарь капитализма, когда ушел с государственного телевидения и возглавил наиболее несерьезный и шумный таблоид Швеции, однако «Свет истины» никого не осуждает за глаза, мы придерживаемся принципа толерантности и открытости и приводим только ту информацию, которую можно доказать».

Шюман поднял глаза к верхнему краю экрана: ага, блогер называл себя «Светом истины». Это звучало зловеще.

«Мы все знаем его великолепную историю, то, с каким воодушевлением он делает свое дело, солидное журналистское прошлое: преподаватель университета, председатель Союза издателей газет, редактор, сделавший «Квельспрессен» самой крупной ежедневной газетой Швеции, и, кроме того, дважды обладатель Большого журналистского приза! Два раза! Какой подвиг! Достижение, которому (почти) нет аналогов! Давайте хором от всего сердца воскликнем «Аллилуйя»!!»

Да нет, в этом не было ничего особенного. Помимо него многие другие получали эту награду дважды.

«Но «Свет истины» недаром получил свое имя. Благодаря ему вы можете увидеть действительность без прикрас. Здесь всегда найдется место для Критики и Свободного мышления, в противоположность кошмарной политической корректности медийного истеблишмента, поэтому меня также можно называть кошмаром Шутов и Лицемеров.

Давайте в деталях рассмотрим великие журналистские достижения Андерса Шюмана. Все вместе приблизимся на один шаг к Свету, изучим его подвиги несколько тщательнее, со всеми нюансами...»

Что это за чертовщина такая?

«За какие заслуги наш герой впервые удостоился почетной награды, известной под названием Большой журналистский приз, об этом никто не помнит.

Именно второй журналистский подвиг Андерса Шюмана стоит того, чтобы разобраться с ним надлежащим образом, его по-настоящему большой медийный успех, документальный фильм, позволивший ему выйти из тени государственного телевидения и шагнуть в наши гостиные, уважаемая публика, мои друзья.

Давайте вытащим на свет Виолу Сёдерланд».

– Он все еще жив.

Андерс Шюман вздрогнул и поднял глаза от экрана. Шеф новостей Патрик Нильссон стоял, широко расставив ноги, с противоположной стороны письменного стола. Его голос был полон разочарования. Шюман торопливо свернул открытую страницу, он даже не слышал, как Патрик вошел. Перед собой он видел Виолу Сёдерланд во всей красе ее подкорректированной пластикой внешности.

– Я был уверен на сто процентов, – сказал Шюман. – Она исчезла добровольно.

Патрик Нильссон посмотрел на него равнодушным взглядом.

– Больница обнародовала коммюнике, – сообщил он. – У Лерберга случилась остановка сердца на операционном столе, но персонал принял все необходимые меры и запустил его снова. Он находится в состоянии искусственной комы из-за травм.

Шюман чувствовал, как мысли вихрем кружатся в его голове, и попытался сохранить нейтральную мину. Он закашлялся, посмотрел на пустой экран перед собой. Прочитанное на удивление сильно задело его, какой бы чушью, пусть и со злобным подтекстом, оно ни выглядело.

– Ты помнишь Виолу Сёдерланд? – спросил он.

Судя по изменившемуся выражению лица шефа новостей, вопрос стал для него большим сюрпризом.

– Кого?

Шюман поднялся с кресла, отошел к дивану, отвернулся от компьютера и свернутого текста, но неприятные слова, казалось, неотступно преследовали его, иголками кололи в спину.

– Миллиардерша. Шпиль Золотой башни.

Он опустился среди потертых диванных подушек. Патрик Нильссон подтянул джинсы под начинающий расти пивной живот и окинул взглядом редакцию по ту сторону стеклянной двери.

– Та, что исчезла? С гигантскими долгами по налогам?

Сначала Шюман почувствовал себя оскорбленным, но секунду спустя на душе у него стало легче. «Свет истины», похоже, сильно переоценил знание деталей его журналистского подвига.

Никого больше это уже не заботило. Как старая, отслужившая свое вещь.

– Которая исчезла, – подтвердил он.

– И что там с ней? Всплыла снова?

– Каким-то образом. Так Лерберг выкарабкается? – спросил он.

Патрик Нильссон наморщил лоб:

– Что там с миллиардершей? Это дело я упустил.

Шюман поднялся с дивана. Почему он так и не научился держать язык за зубами?

– Значит, у нас нет мертвого политика?

– Но он ведь может умереть до того, как номер пойдет в печать, – произнес Патрик Нильссон с надеждой в голосе, – поэтому мы зарезервируем для него место.

Значит, сенсационную первую страницу, где этот человек был мертв, уже приготовили. Ну да, что тут возразишь, так они всегда работали, старались порой опережать события.

– Будем готовы к тому, что нам понадобится делать новую, – сказал Шюман, и Патрик воспринял это замечание как знак, что пора возвращаться к действительности. Он нарочито громко вздохнул и покинул стеклянный закуток шефа, толком не закрыв за собой дверь. Шум редакции ворвался в оставшуюся узкую щель: какофония голосов, стук каблуков, музыкальные заставки новостных телевизионных каналов, глухой гул вентиляторов.

Скоро все это должно было закончиться, по крайней мере, для него. Он заранее проинформировал правление газеты, и оно как-то слишком уж спокойно благословило его уход. До обнаружения данной информации осталось не более недели, и тогда поиски его преемника могли начаться всерьез.

Он покидал свой пост с неплохими результатами. Цифры за предыдущий год говорили сами за себя: согласно им, «Квельспрессен» стала крупнейшей новостной газетой Швеции. Он разбил «Конкурента», и сейчас наконец пришло время отдохнуть.

Шюман вернулся к своему компьютеру и посмотрел на фоновую картинку экрана. Ее роль выполняла сделанная его женой черно-белая фотография с изображением площадки на скале на их острове в Рёдлэгских шхерах. Островок, собственно, был крошечный, без водопровода и канализации, с электричеством от дизель-генератора, спрятанного с тыльной стороны их домика, но им казался раем.

«Если установить ветрогенератор на берегу, – подумал Шюман, – там можно жить. Всего-то еще нужны параболическая антенна, чтобы принимать весь мир, причал для достаточно мощного катера, несколько солнечных батарей на крыше для нагрева воды и спутниковый телефон на всякий пожарный случай».

Он решил проверить, где получают разрешение на строительство ветрогенератора.

Нина припарковалась перед главным входом в Сёдерскую больницу. Дождь не собирался стихать, водосточная труба извергала потоки воды прямо перед ней. Она немного посидела в машине, прежде чем выбралась наружу. Сёдерская больница считалась самой крупной больницей скорой помощи в Скандинавии. Когда она работала инспектором полиции в Сёдермальме, ей приходилось бывать здесь по нескольку раз в месяц, а то и в неделю, и все те случаи давно растворились в ее памяти, за исключением событий утра 3 июня почти пятилетней давности. Тогда Давида Линдхольма, самого известного полицейского Швеции, нашли мертвым (и именно она сделала это), а его жена Юлия (ее Юлия) лежала с приступом кататонии в отделении интенсивной терапии.

Нина вылезла из машины и вошла в огромный холл со стеклянной крышей и отполированными до блеска мраморными полами, предъявила свое удостоверение на ресепшене, объяснила цель визита, и ее направили к доктору Карарею, главному врачу отделения интенсивной терапии. Четвертый этаж, лифт Б.

Здесь ничего не изменилось, все те же обычные для таких заведений запахи. Столь же идеально чистые и плохо освещенные коридоры. На пути ей попадались одетый в шуршащие халаты персонал и пациенты, шлепавшие по полу тапками.

Она нажала на звонок перед дверью в нужное ей отделение и прождала несколько минут, прежде чем ее открыл сам доктор Карарей. Он оказался крупным мужчиной с короткими пальцами и едва заметным акцентом.

Нина представилась. И испытала определенную неловкость, заявив, что она является сотрудником Государственной криминальной полиции, поскольку еще не привыкла к новому месту работы.

– Я не могла бы провести короткий допрос жертвы? – спросила она.

– Лучше, если мы отойдем в сторону, – сказал врач и отвел ее в пустую смотровую.

Воздух там был прохладный, почти холодный. Доктор не стал включать освещение. Посчитал, что достаточно проникавшего в окно с улицы тусклого серого света.

– Пациента все еще оперируют, – сообщил он и тяжело опустился на маленький письменный стол, жестом предложив Нине занять стул для пациентов.

– Как он себя чувствует?

– На мой взгляд, он вряд ли выкарабкается.

В случае смерти Лерберга полиции пришлось бы разбираться с убийством политика, не премьер-министра или министра иностранных дел, конечно, но в любом случае с высоко приоритетным насильственным преступлением, с которым она уж точно не могла напортачить. Поэтому подошла к делу основательно, откашлялась, достала свой новехонький мобильный телефон, полученный от Ламии, и попробовала найти в нем режим диктофона. Поводила пальцами по маленькому экрану, но где-то ошиблась, вернулась к стартовому меню и начала сначала.

– Значит, у него угрожающие жизни травмы, – констатировала она, когда таймер заработал, показывая, что запись идет.

– Пожалуй, это не совсем так. Столь сложным его состояние сделала совокупность всех факторов в комбинации с сильным обезвоживанием организма.

Он потянулся через стол за журналом.

– Жертва, выходит, находилась без воды и еды в течение длительного времени. – Нина посмотрела на экран своего мобильного. – Как долго?

Она осторожно положила телефон рядом с врачом. Он перевернул лист и некоторое время изучал содержащуюся там информацию, прежде чем вполголоса прочитал вслух:

– Серьезные метаболические нарушения, прежде всего это касается электролитов, солей натрия и калия, но также нарушение кислородного баланса... Трое суток по меньшей мере, я бы сказал.

Нина прикинула в уме: избиение, получается, произошло поздно вечером в четверг или рано утром в пятницу.

– Сколько он еще продержался бы, если бы его не обнаружили?

– Трудно сказать. Около часа. Он не дожил бы до полудня.

Она кивнула, бросила взгляд на телефон в надежде, что их голоса останутся в его карте памяти. Нужно было не забыть сохранить запись надлежащим образом.

– Какие повреждения вы смогли констатировать?

Врач прочитал далее.

– Пациент имеет обширные внутренние кровоизлияния в паховой области и на окружающих мышцах, а также множественные разрывы сухожилий... – Он бросил на нее взгляд поверх очков. – Мы вскрыли и дренировали гематомы с целью уменьшить опасность компартментального синдрома.

Нина посмотрела на него широко открытыми глазами:

– Я не понимаю.

– В паховой области сильные внутренние кровотечения, что означает увеличение давления, которое, в свою очередь, приводит к омертвлению тканей. Наш хирург знает свое дело,

она попытается сшить разорванные мышцы и сухожилия, но ей надо действовать очень осторожно...

– Ему раздвигали ноги в стороны, пока мышцы не порвались, – констатировала Нина.

Врач опять заглянул в свой журнал. Он несколько секунд молча читал написанное там. В комнате стоял свежий запах дезинфицирующего средства. Когда он заговорил снова, речь уже пошла о вывихах плечевых суставов с обширным повреждением тканей и необходимости вправить их.

Нина почувствовала, что ее глаза стали сухими, слишком уж долго она, не мигая, таращилась на собеседника.

– Это означает, что плечи надо вставить на место, – объяснил врач, – а также и там сшить разорванные мышцы и сухожилия.

– У него есть повреждения на запястьях?

Доктор посмотрел на нее, а потом еще раз обратился к своим бумагам и прочитал вслух:

– Круговые язвы и ссадины примерно дециметр шириной.

Нина вновь проверила, работает ли запись.

– Ему связывали руки за спиной и подвешивали его за запястья, – предположила она.

Доктор Карарей какое-то время смотрел в сторону окна, словно пытаясь представить себе всю картину. Затем снова заглянул в свой журнал.

– Ткани подошв ног увеличены, и на них есть признаки гематом шириной порядка сантиметра в разной стадии изменения цвета.

– Его били по ним раз за разом тупым предметом в течение долгого времени, – вслух размышляла Нина.

– У него точечные кровоизлияния в белках глаз и в ротовой полости, мы нашли их на внутренней стороне щек и под языком.

Нина кивнула:

– Его душили.

– Нет, скорее всего, нет, – возразил врач. – На шее нет гематом от пальцев или веревки.

– Но такие повреждения ведь возникают в результате асфиксии?

– Да, все правильно.

Нина интенсивно втянула носом воздух, почувствовав, как он заполнил грудную клетку.

– На месте преступления лежал пластиковый пакет, – сказала она. – На полу в детской комнате. Я видела его.

– У него на лице гематомы и припухлости.

– Следы от ударов, – констатировала Нина.

– Сломаны пять ребер в нижней части грудной клетки с правой стороны, в результате чего произошло сдавливание легкого. А также есть точечные повреждения левого глазного яблока, выполненные острым предметом...

Нина обессиленно уронила руки на колени. Казалось, ледяной воздух обжигал ей горло.

Врач отодвинул в сторону свой журнал.

Нина немного приподняла подбородок и постаралась говорить спокойно:

– Это все методы пыток. Классические, хорошо проверенные на практике. И у них есть свои имена. Каждая имеет название.

Врач спокойно, но очень серьезно посмотрел на нее.

– Я видел нечто подобное в других уголках мира, – сказал он, – но никогда раньше в Швеции.

Нина несколько секунд сидела молча.

– Если он выживет, у него все восстановится?

– Стопы заживут, даже если на это уйдет несколько недель. Сильные боли в паху будут мучить его несколько месяцев, хотя какие-то из них, возможно, приобретут хронический

характер. Мы зашили глаз, хрусталик можно заменить, но нельзя исключить постоянного падения зрения. Плечи, есть опасность, будут работать не в полной мере, помимо боли... Неясно, как сказался на его организме недостаток кислорода. И нам пока еще неизвестно, насколько пострадало его сердце.

Нина продолжала сидеть, не в состоянии пошевелиться.

– А насколько он пострадал психологически?

– Его ждет долгая реабилитация, – ответил врач и поднялся.

Нина потянулась за своим мобильным телефоном, выключила запись и сохранила файл. Ее движения были угловатыми, лишенными обычной ловкости, словно стул для посетителей так действовал на нее.

– Спасибо, – сказала она. – Могу я взглянуть на него? Только через дверь операционной? Доктор покачал головой.

– Когда он придет в себя настолько, что я смогу его допросить?

Он дал ей свою визитку с прямым номером мобильного, предложив звонить, когда она пожелает.

– Я жду, что супруга пациента даст знать о себе, – сказал врач и направился к двери.

Нина посмотрела ему вслед. Как много он знал? Что она имела право рассказать?

Она шагнула в темный коридор; дверь в смотровую тихо закрылась за ее спиной. Доктор Карарей задумчиво посмотрел на нее. Он казался человеком, которому можно доверять.

– Это пока должно остаться между нами, – сказала она, – но Нора Лерберг исчезла.

Доктор направился к выходу, Нина шла рядом.

– Местоположение трех их детей установлено, – продолжила она, – они находятся у тетки в Викингсхилле, но его жена недоступна для нас, никто не знает, где она.

Они подошли к выходу из отделения.

– А может быть, именно она сделала это? – спросила Нина.

– Если ей помогали, то теоретически подобное, конечно, возможно, – ответил врач, – но, на мой взгляд, маловероятно.

Они обменялись рукопожатиями.

Нина крепко сжимала свой мобильник в руке всю дорогу, пока шла по больнице. Воображение рисовало ей одну картинку за другой: Лерберг со связанными за спиной руками, подвешенный, его душат, бьют... «Все как на подбор известные методы».

Она быстро прошла через большой холл здания, мимо справочного окошка, цветочного ларька и кафетерия, туалета для пациентов и телефона для вызова такси.

Когда ее мобильный зазвонил, она вздрогнула, словно обожглась о него.

– Нина? Нина Хофман?

Этот голос она узнала сразу, не раз слышала его в своих кошмарах.

– Анника Бенгтзон, что я могу для тебя сделать?

Она вышла под дождь, совершенно не заботясь о том, что вымокнет.

– Привет, я просто решила позвонить и поздороваться... Это же тебя я видела сегодня у дома Лерберга? В Солсидане?

Нина открыла свой автомобиль с пульта дистанционного управления сигнализацией и шмыгнула на водительское сиденье.

– Я ничего не могу сообщить о данном случае, надеюсь, ты понимаешь, – сказала она и зажмурила глаза.

«Плечевые суставы вывихнуты с обширными повреждениями тканей».

– Совсем ничего?

Нина открыла глаза, посмотрела на фасад больничного здания.

«Жертву связывали, подвешивали за запястья».

– Я думала, ты в Вашингтоне, – сказала она.

Анника рассмеялась или вздохнула?

– На подобное у газеты больше нет средств. Я вернулась на прежнее место. Репортер новостей бумажной и интернет-версий. Полицейский на месте событий сказал, что Лерберг, пожалуй, не выживет, ты не знаешь, как у него дела?

Нина не ответила. Анника знала, что она сделала. Сама была там, видела, как она застрелила Филиппа, знала, где он похоронен.

Нина тронула машину с места.

– Я еще только приступаю к своим обязанностям, – сказала она.

– Когда ты начала работать в ГКП? – спросила Анника.

Нина включила заднюю скорость и повернулась назад, чтобы смотреть через заднее стекло. Оно было залито дождевой водой и покрыто грязью.

– Пока, Анника, – сказала она.

– У меня остался тот же номер мобильного телефона, что и раньше, если захочешь дать знать о себе, тебе достаточно...

Нина прервала разговор.

Что знал Ингемар Лерберг такое, чего ему не положено было знать?

Почему он не рассказал об этом?

И почему его оставили в живых?

* * *

В редакцию Анника вернулась после полудня. Сёдерский тоннель оказался заблокированным, а по Эссингеледен машины едва тащились, как обычно. Время в автомобильных пробках она использовала на поиски материалов об Ингемаре Лерберге и на то, чтобы спокойно разложить их по полочкам у себя в голове. Благо ее никто не торопил.

Она вынула компьютер из сумки, загрузила сделанную камерой видеозапись на сервер, приблизительно замерила длительность отдельных эпизодов и отправила художественному редактору имейл с временными кодами, чтобы он мог выбрать нужные ему кадры для бумажного варианта газеты. Потом принесла себе чашку кофе из автомата и приготовила сюжет для интернет-телевидения продолжительностью одну минуту и двадцать пять секунд об избитом сегодня политике Ингемаре Лерберге. Картинки получились не особенно хорошие, темные и зернистые, какими они были на протяжении всей этой ужасной весны. Из-за ветра камера, вероятно, качалась, пока она говорила, и в результате изображение тоже раскачивалось, как на волнах. А сама она выглядела нездоровой, с запавшими глазами, но в этом ведь не было ничего необычного. Ее манера подачи новости кому-то могла показаться несколько тяжеловесной, но она посчитала, что и так сойдет.

– Полиция столкнулась с полноценной загадкой после покушения на убийство бывшего члена риксдага Ингемара Лерберга, – начала она свой комментарий. – На данный момент нет никаких предположений относительно мотивов столь жестокого избиения, жертве никто не угрожал, и остается неясным, как преступник попал в особняк. Согласно данным «Квельспрессен», пока не обнаружено никаких следов незаконного проникновения в дом, который находится в Солсидане, фешенебельном пригороде Сальтшёбадена.

– Он все еще жив, – сообщил Патрик, склонившись над ней.

– Ужасно жаль, – съязвила Анника. – Мы отправим кого-нибудь в больницу добить его?

Шеф новостей сел на ее письменный стол.

– Звонило руководство христианских демократов. Они хотели бы высказаться о своем коллеге в партийной канцелярии через полчаса, ты не могла бы заняться этим?

Она взглянула на часы:

– Конечно.

– Прокурор подтвердила, что преступление квалифицировано как покушение на убийство?

– Я звонила ей из машины.

– Ты разобралась с псом?

– Псом?

Анника недоуменно уставилась на шефа.

– Стефан, четырех лет, – сказал Патрик. – Его нашли мертвым в прихожей, если верить новостным сообщениям. Ты не подготовишь также его краткую предысторию?

– Собаки?

– Был ли он конфликтный? Угрожали ли ему? Пожалуй, список возможных мотивов? И проверь, почему ему пришлось уйти в отставку, хотя нам, конечно, стоит подождать с публикацией этого материала, пока мы не узнаем, выживет ли он...

Анника ввела в поисковик «ингемар лерберг политик», и Патрик наклонился над ее экраном, чтобы посмотреть результат.

– И называй его топовым политиком. Он ведь какое-то время фактически считался лидером партии, – заметил он.

– Угу, – буркнула Анника, – целых полдня, в передовице газеты «Квельспрессен».

– Давай сейчас не будем об этом, – сказал Патрик и ретировался на свое место.

Она пробежала глазами по заголовкам на экране. Как быстро люди все забывают. Сама ведь помнила, что много читала об Ингемаре Лерберге в те дни, когда его имя постоянно фигурировало в разделе новостей всех средств массовой информации, но, помимо нескольких смутных воспоминаний о какой-то афере с налогами, память ничего ей не подсказала. И почему, собственно, могло быть наоборот?

Она просмотрела то, что, на ее взгляд, выглядело наиболее интересным.

Этот христианский демократ, бесспорно, был ярким пятном на политической карте восемь – десять лет назад. Прошел в риксдаг как независимый кандидат с политикой ближе всего сравнимой с той, за которую ратовала американская «Чайная партия»: сокращение государственного аппарата, снижение налогов и государственных затрат, свобода личности и безграничная вера в Бога. Помимо прочего, он предлагал реорганизовать органы местного самоуправления и приватизировать Государственное управление социальной защиты населения.

Ингемар Лерберг считал, что христианство необходимо сделать обязательным предметом в неполной средней школе, а налоги уменьшить вдвое и что социальная помощь должна автоматически сопровождаться «службой во благо общества», пусть это кое-кто из его критиков и называл «бесплатным рабским трудом». В качестве мотивировки своего последнего предложения он ссылался на Библию, первую книгу Моисееву: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

Кстати, оказалось, что Лерберг еще неоднократно обращался к Священному Писанию для доказательства правильности своей политической идеологии. Так, например, с целью показать естественность того порядка, что одни богаче, чем другие. В этом случае он использовал строчки из Евангелия от Матфея: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

«Он, вероятно, пропустил, что написано там относительно верблюда и игольных ушей», – подумала Анника.

Она бросила взгляд на часы. Канцелярия Христианско-демократической партии находилась в Старом городе в Стокгольме, там, где невозможно припарковаться, поэтому она получила разрешение поехать туда на такси, чтобы успеть вовремя.

– Да, Анника, еще одно дело... – Патрик вернулся к ее столу. – Что говорит министерство юстиции о данном случае? Они ведь наверняка в курсе последних новостей. Ты не могла бы проверить это?

– По-твоему, я должна позвонить госсекретарю? – спросила она дружелюбно.

– Да, а почему бы и нет?

Анника вздохнула и открыла свои записи.

Ее бойфренд, Джимми Халениус, был статс-секретарем министерства юстиции и ближайшим помощником министра. Патрик очень хорошо знал, что она не собиралась звонить ему и задавать вопросы, связанные со своей работой.

Шеф новостей наклонил голову и хитро посмотрел на нее:

– Ты очень серьезно относишься к этической стороне дела и фактам, не так ли?

Анника демонстративно приподняла брови: куда это он клонит? Патрик многозначительно махнул правой рукой:

– Ты обычно ноешь, что мы не должны манипулировать словами, выступать в роли прокурора, судьи и палача одновременно, что от нас требуется освещать все стороны дела, брать на себя ответственность за тех, кого мы интервьюируем...

– Послушать тебя, так я говорю как профсоюзный лидер на Государственном радио.

– Да, но разве я не прав?

Анника пожала плечами и в очередной раз посмотрела на часы. Джимми собирался прийти домой приблизительно около шести и сам вызвался приготовить тушеную лосятину со специями. Патрик поднялся и махнул кому-то, находившемуся у стола выпускающего редактора новостей.

– Вальтер, подойди сюда.

Анника вытянула шею и посмотрела на молодого парня, который неторопливо приближался к ним.

– Анника, – сказал Патрик, – это Вальтер Веннергрэн. Он практикант с факультета журналистики и будет работать у нас этим летом. Важно, чтобы молодое поколение впитало наши этические принципы с самого начала, поэтому я подумал, почему бы тебе не позаботиться о нем, ввести в специальность, познакомить с нашей повседневной работой...

Патрик улыбнулся ей. Шефство над практикантами считалось наказанием. Оно требовало времени и сил без какой-либо компенсации со стороны руководства.

Парнишка наклонился, поздоровался вежливо и пожал ей руку. Он был темный, высокий и худой, с подстриженными ежиком черными волосами и козлиной бородкой.

– Приятно познакомиться, – сказал он. – Я горю желанием поработать с вами здесь в редакции.

Он говорил в манере стокгольмского высшего общества, характерно растягивая определенные гласные. Анника вздохнула и улыбнулась ему. Не будет тебе победы, Патрик!

– Добро пожаловать, – сказала она. – А ты не родственник Веннергренов, наших владельцев?

Он криво улыбнулся:

– Сын Альберта.

Надо же, сын нового председателя правления.

– Хотя я приемный, – добавил он быстро, словно это каким-то образом уменьшало его вину. – Из Ирана.

– Родителей не выбирают, – усмехнулась Анника.

Он застегнул куртку:

– Надеюсь, я не буду слишком большой обузой.

– Вовсе нет, – заверила его Анника. – Я смотрю на это как на возможность встретиться с новыми коллегами, обсуждать и анализировать то, чем мы занимаемся. Подобное очень редко практикуется сегодня в редакции.

Она улыбнулась Патрику. Судя по выражению его лица, услышанное ему не очень понравилось.

– Ну, тогда так. Вальтер, – скомандовал он, – начиная с настоящего момента, ты следуешь за Анникой, куда бы она ни пошла. Надеюсь, вы будете полезны друг другу.

Потом развернулся и удалился на свое место. Сбитый с толку парень огляделся, соображая, где бы ему пристроиться.

– Тебе незачем садиться, – сказала Анника. – Мы отправляемся в путь, нас ждет работа. Она вызвала такси по телефону.

Андерс Шюман смотрел, как Анника Бенгтзон удалялась в направлении выхода. Она выглядела такой умиротворенной – легкая походка, разметавшиеся волосы и уродливая сумка на плече. В какое-то мгновение он позавидовал ей. Вот кто, пожалуй, оказался хитрее всех, она, которая в свое время отказалась участвовать в гонках за руководящие посты и предпочла оставаться журналистом.

– Куда ты пропал? Ты все еще там? – спросил председатель правления Альберт Веннергрэн по громкой связи.

Шюман окинул взглядом редакцию и откашлялся.

– По моему твердому убеждению, в нашей организации вам некого брать, – сказал он. – Надо пригласить кого-то со стороны.

– А ты по-прежнему уверен, что хочешь уйти?

Если он когда-то в жизни и был в чем-то абсолютно уверен, так именно в этом.

– Решение принято, – сказал Шюман настолько равнодушно, словно это совершенно от него не зависело.

– А как там у «Конкурента»? Нет ли какого-либо дарования, которому еще не дали возможность расцвести, но которое уже стало раздражать его положение?

С гарантией есть. Но кто захочет иметь озлобленного, не оцененного по достоинству конкурента в роли главного босса? Пожалуй, плохая идея.

– Трудно сказать, – уклончиво ответил Шюман.

– Не так легко найти кого-то твоего калибра, – констатировал Альберт Веннергрэн.

Вот оно, наконец. Запоздалое признание. «Не так легко найти... калибр...» Шюман не знал, что ему ответить.

– Этот блогер немного беспокоит меня, – продолжил между тем председатель правления. – После обеда появилось несколько комментариев, ты видел их?

Конечно, он видел. Целых двадцать восемь штук.

– У тебя не возникало мысли ответить?

Шюман обеспокоенно заерзал в своем офисном кресле, оно закрипело и заскрежетало.

– Не сейчас. Это только повысит его статус.

– Мы должны следить, как все пойдет дальше. У тебя когда-нибудь были контакты с ней? То есть ты встречался с ней, видел ее, разговаривал с ней?

Андерс Шюман ошарашенно посмотрел на телефон:

– С кем?

– С Виолой Сёдерланд. После показа твоего фильма, я имею в виду. В последние годы. Есть какие-то подтверждения твоего заявления, что она жива и исчезла добровольно?

– После показа фильма? Нет, само собой.

– Мне трудно представить себе, что эта история поднимет бурю, – сказал Альберт Веннергрэн, стараясь сгладить ситуацию. – Ты не мог бы оказать мне услугу: пройтись по своим контактам еще раз и посмотреть, не найдется ли среди них человек, способный стать твоим преемником?

Шюман пообещал попробовать.

Положив трубку, он зашел на тот же блог снова – «Свет истины». Какое нелепое тенденциозное название. По-прежнему двадцать восемь комментариев. Он перевел дух и вернулся на страницу жилищного ведомства.

Ветрогенераторы можно было делать без разрешения на строительство, если их высота не превышала двадцати метров или была меньше расстояния до границы земельного участка. Местные положения, касавшиеся шхер Стокгольма, однако, разрешали сооружать их не менее чем в километре от ближайших строений, хотя это, пожалуй, касалось больших ветряков промышленного типа.

Он решил на следующее утро позвонить в жилищное ведомство и все выяснить.

Молодой мужчина с пушистыми волосами и в узких очках сидел за огромной стойкой на ресепшне канцелярии Христианско-демократической партии. Он улыбался блаженной улыбкой, за которой порой прятались верующие люди. Анника подошла к нему с Вальтером на прицепе.

– Мы из...

– «Квельспрессен», – добавил администратор. – Вы пришли позднее оговоренного времени, не возражаете, если вам придется подождать несколько минут?

Здесь, похоже, было место всеобщего поклонения, люди шли непрерывной чередой.

Администратор с сожалением пожал плечами:

– Может, мне приготовить кофе, пока вы ждете? У нас есть свежее лимонное печенье.

– Спасибо, мы... – начал Вальтер.

– Нет, спасибо, – прервала его Анника, – не стоит утруждаться из-за нас.

– Воды, может быть?

– Спасибо, было бы хорошо, – ответила она.

Вальтер опустил глаза в пол. Администратор исчез за стойкой.

Угощая журналиста, объект интервью каким-то образом успокаивался, расслаблялся и отвлекался на это, что добавляло ему уверенности, а подобное было либо хорошо, либо плохо в зависимости от ситуации. Сейчас, конечно, не администратору им предстояло задавать вопросы, но они могли уронить свой авторитет в его глазах, позволив себе шумно или неаккуратно есть или пить.

Анника достала из сумки блокнот и ручку, покопалась в ней в поисках цифрового диктофона. Данное интервью не слишком подходило для телевидения (мужики в офисной обстановке в качестве картинки никуда не годились, если только какую-то шишку не призывали к ответу за что-либо серьезное), поэтому она сделала ставку на интернет-радио.

Мгновение спустя дверь за стойкой открылась, и в фойе шагнул Боссе из «Конкурента», а за ним фотограф.

– Успела проверить «Свет истины»? – заговорщическим тоном спросил Боссе, проходя мимо Анники.

Она улыбнулась дружелюбно.

– Теперь ваша очередь, – сказал администратор и показал в направлении открытой двери конференц-зала с маркерной доской и комплектом современного компьютерного оборудования.

Руководство партии, за исключением ее лидера, сидело за овальным столом из карельской березы и поднялось под аккомпанемент скрежета стульев, когда Анника и Вальтер шагнули внутрь. Их главный босс довольно долго был глашатаем политики помощи развивающимся странам, за которую ратовала оппозиция, и, если верить Джимми, воспользовавшись случаем, постарался посетить как можно больше экзотических стран, прежде чем проиграл следующие выборы и был вынужден уйти.

Всего их было четверо, трое мужчин и женщина. Секретарь партии Клас Борстхаммар приветствовал гостей и представил своих коллег: Ханса Улофссона, Берта Тинг-стрёма и Марианну Берг-Хольмлунд. Они все выглядели очень серьезными, ситуация явно задела их за живое.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал Клас Борстхаммар и выдвинул стул для Анники.

Они расселись вокруг стола. Вальтер расположился рядом с Анникой. Она включила диктофон и положила его на стол.

– Ужасно, – сказал Клас Борстхаммар и посмотрел на Вальтера. – Непостижимо. Просто не укладывается в голове, что такое могло случиться с одним из наших политиков, одним из наших самых ярких представителей.

– Именно так вы характеризуете Ингемара Лерберга сегодня? – перебила его Анника.

Секретарь партии смутился и удивленно посмотрел на нее.

– Ингемар Лерберг один из ваших самых ярких представителей? – уточнила она. – В моем понимании он был обычным политиком местного уровня в Наке последние семь лет.

Борстхаммар откашлялся. Марианна Берг-Хольмлунд изучала свои руки, сложенные на коленях, как в молитве.

– Насколько я видела, он в Наке вел достаточно резкую дискуссию относительно изменений в социальном секторе, – сказала Анника. – Как вы в руководстве партии оценивали его взгляды?

Один из мужчин, Ханс Улофссон, наклонился над столом и посмотрел на Вальтера:

– Ингемар – исключительная личность. Его взгляды достаточно спорны, но он отличается крайней терпимостью к тем, кто думает иначе, чем он. Он никогда никого не осуждает. Я сам из Стокгольма и знаю, что Ингемара очень высоко ценят в этом регионе.

– А какой он замечательный бизнесмен, – добавил Берт Тингстрём.

– Будь у нас в Швеции больше таких, как он, мы могли бы забыть о безработице в нашей стране, – вставил Клас Борстхаммар.

Остальные мужчины закивали в унисон в направлении практиканта. Женщина смотрела на стену, и, казалось, она с трудом сдерживала слезы.

– Система для координирования морских грузоперевозок – его собственное детище, – продолжил Берт Тинг-стрём. – Она единственная во всем мире. Он планировал значительно расширить бизнес в ближайшие годы.

– И такая трагедия для всей семьи, – вздохнул Ханс Улофссон. – Ингемар обожает жену и детей, они наверняка восприняли это ужасно тяжело.

Трое мужчин дружно кивнули. Женщина высморкалась. Вальтер покосился на Аннику. Она сидела неподвижно и наблюдала за происходящим. Будучи моложе, она в подобных ситуациях порой давала волю своим эмоциям, особенно когда ее сопровождал мужчина-фотограф с потребностью к самоутверждению, и тогда любой мог догадаться, что творится в ее голове и о чем она собирается спросить, но в последний раз подобное случалось давно.

– Когда вы разговаривали с Ингемаром Лербергом в последний раз? – поинтересовалась она.

Трое мужчин посмотрели в ее сторону, потом они вопросительно переглянулись.

– Ну-у, – первым отреагировал Ханс Улофссон, – мы же общаемся постоянно, немного трудно...

– Вы видите регулярно? – спросила Анника. – Встречаетесь в городе или на конгрессах?

Все трое кивнули, сейчас они посмотрели и на нее, и на Вальтера. Конечно, и в городе, и на конгрессах, само собой.

– Что говорит его жена, вы общались с ней?

– Нет, она же в больнице, – ответил Берт Тингстрём. – У своего мужа.

– То есть вы с ней не разговаривали?

Никто не ответил. Анника заглянула в блокнот, где пока не сделала ни одной пометки.
– Почему вы созвали эту встречу? – спросила она тихо. – Чего вы хотите?

За столом воцарилась тишина. Вальтер заерзал на стуле. Громко гудела вентиляция. Клас Борстхаммар уставился на нее, сейчас его внимание сосредоточилось на ней. Он немного расправил плечи.

– Мы знаем, что средства массовой информации заинтересованы получить комментарии партийного руководства относительно случившегося, – сказал он.

Аника посмотрела на него и спросила:

– Итак, что же случилось?

Трое мужчин вновь переглянулись, женщина громко всхлипнула.

– Нашего товарища по партии жестоко избили в его собственном доме, – произнес партийный секретарь с нотками неуверенности в голосе.

– Ага, – кивнула Аника, – так, значит. Но что еще? Как все произошло? Выкарабкается ли он? И какие повреждения получил? Что вы можете сказать такое, о чем нам еще неизвестно?

Опять воцарилась тишина, но всего на несколько секунд, затем откашлялся Берт Тингстрём.

– У него руки и ноги вывернуты из суставов, – сообщил он. – Они жестоко избили его.

Аника почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Руки и ноги вывернуты из суставов? Что за странная история?

– Ваше мнение по поводу мотива этого избиения? Может он быть политическим? – поинтересовалась Аника.

Мужчины переглянулись в очередной раз.

– Вполне возможно, – сказал Клас Борстхаммар. – В наше время хватает настроенных на насилие левых экстремистов, кто-то из них определенно мог решиться на нападение. Как тот в Тусоне, в Аризоне, выстреливший члену конгресса в голову...

– Ты имеешь в виду человека, стрелявшего в Габриэль Гиффордс? – спросила Аника. – Но его вряд ли можно причислить к левым.

– Или здесь имелись финансовые мотивы, – предположил Ханс Улофссон. – Успешный бизнесмен вроде Ингемара всегда рискует подвергнуться самым жестким формам давления, криминалитет в нашей стране порой переходит все границы.

– Не было ли в его политической деятельности за последние годы чего-то настолько спорного, что могло спровоцировать подобное нападение? – продолжила задавать вопросы Аника.

– По-твоему, молодежь на Утёйе чем-то насолила Брейвику? – поинтересовался Берт Тингстрём.

Аника опустила глаза на свой блокнот:

– Не случилось ли чего-нибудь в его фирме за последнее время? Способного повлечь за собой избиение?

Все посмотрели на Берта Тингстрёма.

– Ну, я не знаю точно, сколько осталось до ее расширения, – сказал он, – мне известно только, что он говорил о нем...

Женщина смотрела на свое колено, она пока не произнесла ни слова. Аннике стало любопытно, почему она сидела здесь, если ей нечего добавить.

Аника посмотрела на часы.

– Я благодарю вас за уделенное нам время, – сказала она и потянулась за своим магнитофоном.

– Можем мы попросить тебя об одном одолжении? – спросил Ханс Улофссон.

Аника остановила руку на полпути. Трое мужчин впились в нее взглядами.

– Семь лет назад вы поступили с Ингемаром крайне непорядочно, – объяснил Улофссон. – Он был абсолютно невиновен, а вы, средства массовой информации, разрушили его политическую карьеру. Подумай об этом, когда сядешь писать о нем сейчас. Будь честной.

Теперь они обращались к ней. Ведь это Ева обманом заставила Адама согрешить. И пусть именно он откусил от яблока, вся вина лежала на ней. Анника посмотрела Улофссону прямо в глаза.

– Я следую закону, – сказала она. – И никогда не занимаюсь поиском источников. Поэтому не знаю, откуда те данные пришли к нам в газету.

Она могла, конечно, ошибаться, но ей показалось, что у ее визави порозовели щеки.

Потом она взяла свои блокнот и ручку, обменялась рукопожатием со всеми и поблагодарила их, после чего покинула конференц-зал с Вальтером на прицепе.

* * *

Они запрыгнули в автобус перед Дворянским собранием. Вальтер остался стоять рядом с детской коляской, в то время как Анника протиснулась к свободному месту в самом конце автобуса и оттуда, выловив из кармана свой мобильник, попыталась связаться с прокурором Дианой Розенберг из Наки. (Звонить по работе из такси у нее сейчас и мысли не возникло бы, поскольку прежде ей случалось читать ссылки на свои телефонные разговоры в газетах и на скандальных сайтах. Однако с автобусами никогда не возникало аналогичных проблем.)

Прокурор ответила на четвертом сигнале, не отличалась словоохотливостью и явно нервничала. Она не могла комментировать повреждения жертвы, единственно подтвердила, что они тяжелые, а относительно супруги Лерберга сказала, что, по ее данным, ту еще не уведомили о случившемся. Поэтому она и молила всех об определенной сдержанности с информацией, которую они собирались опубликовать.

– Правда ли, что у него руки и ноги вывернуты из суставов? – спросила Анника и скопировалась на пассажиров вокруг себя. Никто не обращал на нее внимания, но она старалась говорить как можно тише.

Прокурор помолчала немного.

– Не могу ничего подтвердить, – сказала она наконец.

– Что говорит жена? – спросила Анника, держа свой диктофон перед мобильником.

– Мы пока не смогли связаться с ней, – ответила Диана Розенберг.

– Нет? И где же она?

Прокурор не ответила. Анника заподозрила неладное.

– Вы не знаете, где его жена, она исчезла... Может, преступник забрал ее с собой? Есть уже требование о выкупе?

Парень, занимавший соседнее сиденье, с интересом посмотрел на нее.

– Нет, насколько мне известно, – ответила прокурор.

Мобильник завибрировал у нее в руке, ей звонили по другой линии. Она бросила взгляд на дисплей. Томас, ее бывший муж. Прокурор отключилась, и Анника поменяла собеседника.

– Привет, Томас, – сказала она. – Как дела?

После возвращения из Сомали, где побывал в плену у террористов, он все еще находился не в лучшей форме. Чувство вины напомнило ей о себе неприятным ощущением в животе. Похитители отрезали ему кисть левой руки, а когда он выписался из больницы, она ушла от него и сошлась с его шефом.

– У меня ужасные боли, – сказал Томас, – и навалилась масса работы. Ты можешь забрать детей на неделю?

Она закрыла глаза и стиснула зубы на мгновение.

– Ты же знаешь, что могу, но они очень расстроятся. Особенно Калле.

– Я не думаю...

– Томас, мы уже обсуждали это раньше...

– Так ты можешь или нет?

Она сглотнула комок в горле:

– Конечно, само собой. Но тогда они пробудут у меня всю эту неделю и следующую.

Они закончили разговор прежде, чем Анника успела сказать какую-нибудь глупость.

Руководство новостей спорта и развлечений собралось в комнате Шюмана на свою обычную шестичасовую встречу (сегодня она начиналась в пять, но ее в силу привычки по-прежнему называли «шестичасовой»), и в редакции на время воцарились тишина и покой.

Вальтер следовал за Анникой, как преданный пес.

– Берит на задании в Норвегии, – сказала Анника, – ты можешь занять ее место.

– Я думал, у вас нет определенных мест, – сказал Вальтер и подозрительно посмотрел на предложенные ему стол и стул.

– У нас нет, но это не касается Берит. Ты уже получил собственный пароль и доступ пользователя?

Парень поставил рюкзак на письменный стол и опробовал стул, опустившись на него.

– Угу...

– Хорошо. Позвони в министерство юстиции и спроси, как они расценивают происшедшее с Ингемаром Лербергом. Сошлись на новое исследование по поводу угроз в отношении политиков, таких всегда хватает. Они не скажут тебе ничего, но приведут статистику из такого же исследования, и выжми из них комментариев. Называй Лерберга то топовым политиком, то политиком государственного масштаба. Наша главная редакция видела в нем нового лидера христианских демократов когда-то, сто лет назад. Постарайся уложиться в тысячу восьмисот знаков, включая пробелы.

Парень стащил с себя куртку, почесал голову, вытащил ноутбук из рюкзака и подсоединился к Сети. Он, похоже, быстро соображал.

Анника приготовила свой компьютер, тоже вошла в Сеть и напечатала короткий обзорный текст о политической деятельности Ингемара Лерберга. Она описала его интересы и взгляды с этой точки зрения как можно честнее, чтобы ее не смогли привлечь к суду за клевету, а также добавила, что в последние годы он, главным образом, сосредоточил внимание на семье и собственной фирме, а также на местной политике в Наке. Для интернет-радио она приготовила сюжет на одну минуту и десять секунд с цитатами его партийного руководства.

Потом еще немного поразмышляла по поводу оказавшихся в ее распоряжении довольно странных данных. Какую пользу она могла извлечь из информации о том, что у него руки и ноги вывернуты из суставов, вдобавок полученную от такого не слишком надежного источника, как Берт Тингстрём? И где находилась Нора, жена пострадавшего?

Анника позвонила пресс-атташе полиции Наки, а потом его коллеге в Государственную криминальную полицию. Оба ответили сразу и общались на должном профессиональном уровне, но ни один из них не подтвердил сведений о каких-либо странностях или специфических травмах. Впрочем, примерно такого она и ожидала. Немного поколебавшись, она набрала номер комиссара К., теперь шефа КРС Государственной криминальной полиции.

– Анника, – усмехнулся он, – ты разочаровываешь меня, я ждал твоего звонка еще утром.

– Я уже большая девочка, – ответила она. – Прекрасно справляюсь без тебя. А ты такая большая шишка, что даже страшно к тебе обращаться.

– Не трать понапрасну мое время, – сказал он. – Чего ты хочешь?

– Нора исчезла? – спросила Анника.

– Мы не знаем, где она, но «исчезла» – это слишком сильно сказано.

– Вы ищите ее?

– Специально никаких мероприятий в данном направлении не проводится, то есть ответ «нет».

– Но вы искали ее с целью сообщить о случившемся с ее мужем?

Комиссар вздохнул. Анника задала вопрос так, что ему было не отвертеться.

– Да, мы искали. Нет, нам не удалось ее найти.

– Я слышала, у Ингемара Лерберга руки и ноги вывернуты из суставов, меня правильно проинформировали?

– Честно говоря, мне точно не известно, какие у него повреждения, – ответил комиссар. – Мой человек находится в отделении интенсивной терапии, но я не разговаривал с ней еще.

– Нина Хофман начала работать у тебя? Я видела ее в Солсидане.

Комиссар вздохнул снова.

– Ты такая большая и умная, – съязвил он, – и, конечно, сможешь написать статью без моей помощи.

Комиссар положил трубку. Анника пожевала губу. Хорошо, конечно, если бы ее данные подтвердили, но у нее ведь и так имелся источник с именем и фамилией. Берт Тингстрём не запрещал ссылаться на него, и к тому же его слова остались у нее в диктофоне.

Анника пересмотрела свой телевизионный клип с точки зрения новых данных. Сейчас ей оченьгодились бы картинки со встречи с руководством христианских демократов, но за неимением их она нашла другой выход. Извлекла из архива фотографию Тингстрёма и наложила на нее фонограмму с фразой о травмах, причем постаралась сделать это очень тщательно, чтобы любой мог понять, что сообщение исходит от него, а не от газеты. Получилось немного топорно, но вполне приемлемо. Потом она обновила свой текст для бумажной версии и добавила подробностей и там тоже, проверив, что не забыла упомянуть возраст собаки. И в довершение всего сделала небольшое сообщение о Норе Лерберг, жене политика, которая, похоже, бесследно исчезла. Она процитировала всех вместе: К., прокурора и пресс-атташе полиции Наки. Их слова, где они признались, что искали ее, но так и не смогли связаться с ней, пусть она официально и не находилась в розыске. Это получилось немного туманно, но здесь Анника ничего не могла поделать.

Она вздохнула про себя и посмотрела в сторону практиканта.

– Вальтер Веннергрэн, – сказала она. – Ты закончил текст?

Он нажал клавишу на клавиатуре, и имейл с названием «Угрозы в отношении политиков» появился у нее на экране. Тысяча семьсот восемьдесят знаков, включая пробелы. Пресс-атташе министерства юстиции не смог подробно прокомментировать происшедшее с Ингемаром Лербергом, но сообщил, что министр следит за развитием событий и сожалеет, что насилие в отношении народных избранников постоянно растет. Далее следовал отчет с цифрами из свежего правительственного исследования на данную тему и с несколько менее свежими из последнего рапорта Совета по профилактике преступности.

– Замечательно, – кивнула Анника.

Потом она отправила в путь новый телевизионный клип, сюжет для интернет-радио, а также все три статьи, после чего поднялась, надела куртку и упаковала компьютер.

Затем она махнула рукой сидевшему в своем стеклянном закутке Шюману и направилась к выходу.

Томас Самуэльссон таращился на экран компьютера, стоявшего на столе перед ним. «Свет истины». Какое претенциозное название. Впрочем, природа не обделила автора литературным даром, кем бы он ни был. (Почему он решил, что речь идет о мужчине? Просто так, без всякой на то причины. Слишком уж по-мужски тот выражал свои мысли.)

Томас сделал глубокий вдох, с наслаждением наполнил легкие воздухом.

«Хороший щелчок по носу этому зазнайке, главному редактору газеты Анники», – подумал Томас. Он встречался с ним всего несколько раз, еще будучи женатым на ней. Ее шеф явно считал себя слишком важной птицей, чтобы часто общаться с семьями своих подчиненных.

Томас поднялся из-за компьютера и прогулялся на кухню. С трудом волочил словно налитые свинцом ноги, спина, казалось, окостенела. И ужасно болела рука, та, ко торой больше не существовало. Протез был тяжелым и неуклюжим, он еще не решил для себя, на каком типе ему остановиться. Последняя модель могла оказаться далеко не самой лучшей, в этом он уже не сомневался.

Они все лгали ему. Не только Анника, хотя она ведь была, естественно, худшей из всех, но и другие тоже. Его работодатели, не говоря уже о медицинском персонале.

Ах, есть фантастические современные протезы, подожди немного – и сам увидишь! Как ни посмотри, протез работает даже лучше обычной руки, никогда не думал об этом? Ты сможешь открывать консервные банки без открывашки, брать раскаленные предметы с плиты или гриля, использовать искусственную руку как молоток, тебе не придется больше бояться едких кислот, и ты сможешь держать спичку вплоть до того, пока она полностью не сгорит...

Томас открыл дверцу холодильника. Там лежало и куриное, и говяжье филе, но он не был голоден.

Сказав Аннике, что на него навалилась куча дел, он прилично покривил душой – сам ведь находился на больничном на этой неделе, но ему сейчас не нравилась чехарда вокруг него, а его шефы из министерства юстиции так старались быть доброжелательными, прекрасно понимали, какую душевную и физическую травму он получил. Отдыхай и восстанавливайся сколько понадобится, говорили они, все твои прежние функции останутся за тобой, скажи только, когда сочтешь себя готовым приступить к работе...

«Это на словах, а на деле все совсем иначе», – подумал Томас и закрыл холодильник. Он жертвовал своей жизнью и здоровьем, выполняя служебные обязанности, стал калеккой на всю жизнь, потерял семью. И минимум мог требовать от своего работодателя сейчас, чтобы за ним сохранили его должность. Как бы все выглядело, попытайся они выгнать его? Ему представился огромный газетный заголовок: «ПРАВИТЕЛЬСТВО УВОЛЬНЯЕТ ПОКАЛЕЧЕННОГО ГЕРОЯ».

Нет, на это они никогда не решатся. Для них пусть он лучше покрывается плесенью в каком-нибудь чулане на деньги налогоплательщиков, где-нибудь в таком месте Розенбада, где никто другой не захочет сидеть, например, на первом этаже с видом на каменные фасады Фредсгатан.

Они всучили ему отмывание денег.

Из всех набивших оскомину, ничего не стоивших зон ответственности дали задание исследовать международную экономическую преступность. Снова.

Он получил его от Крамне, своего лицемера шефа, встретившего его натужной улыбкой в первый день возвращения в министерство, еще до того, как он узнал, что Анника трахалась со статс-секретарем, в то время как он еще верил сказкам лжецов-производителей протезов, в один голос утверждавших, что он скоро сможет управлять своей искусственной конечностью с помощью силы мысли. Техника ведь так далеко шагнула вперед, а Швеция фактически лидировала в данной области...

– Эта работа как раз по тебе, – сказал тогда Крамне, – при твоем-то опыте: экономика, международная торговля и безопасность, черт побери, лучше не придумашь.

А когда они затем встали и собирались обменяться рукопожатиями, Крамне засомневался и окинул взглядом обе руки Томаса, не хотел ошибиться и прикоснуться к железной, крюку.

Никто больше не возлагал на него никаких надежд. Ничего такого прямо не говорили, но Томас это чувствовал. Они все явно считали, что ум находился в его левой руке, и жела-

ние просто пообщаться и поучаствовать в турнирах в петанк тоже. Никто не приглашал его больше. И наверняка не только из-за плохой погоды, и, поскольку никаких соревнований не проводилось пока, даже если бы они были, его все равно не позвали бы, в этом он не сомневался. Они подолгу смотрели ему вслед в коридоре и шептались у него за спиной. Секретарши, которые раньше смотрели на него томными глазами, сегодня опускали взгляд в свои бумаги или устремляли его на экраны компьютеров, когда он проходил мимо.

Томас подумал, не приготовить ли ему себе бутерброд на ужин.

Хотя тогда ему пришлось бы придерживать хлеб крюком, а ему не нравилось его использовать.

Он вернулся в гостиную, остановился посередине комнаты и окинул взглядом мебель: диван, столик для компьютера, ковер. Типичные творения IKEA. Он терпеть не мог эту квартиру. Съёмную, очень тесную, лишь с двумя спальнями и слишком светлую. Она находилась на самом верху в угловом доме на Кунгсхольмене. Анника заполучила ее через свои контакты в полиции в ту пору, когда они жили отдельно, а потом, не предупредив, переоформила контракт на него, а сама съехала. И спихнула ему все никому не нужное домашнее имущество, не только мебель, но и фарфор, и книги, и DVD-фильмы тоже. У него не осталось никаких сбережений. И Анника отдала все свои деньги негодяю, державшему его в заложниках в Сомали, поэтому он сейчас сидел здесь, в птичьей клетке под самым небом, кляня злую судьбу.

Томас снова сел к компьютеру.

«Свет истины» выглядел по-настоящему интересным.

Он обновил страницу. Пришло четыре новых комментария с тех пор, как Томас заглядывал на нее в последний раз.

Он отклонился на спинку стула.

Подумать только, а вдруг этого сноба удастся скинуть с поста главного редактора «Квельспрессен», вот было бы здорово.

Он внезапно воспрянул духом, почувствовал, что его тело снова стало легким и подвижным, а дыхание участилось. Он наклонился над клавиатурой, помедлил всего мгновение, а потом вошел на страницу под своим обычным ником Грегориус, взятым в честь трагического персонажа романа Яльмара Сёдерберга (обманутого собственной женой, убитого своим врагом). Он никогда не использовал его на работе. В компьютерах он особо не разбирался, однако и дураком тоже не был. Опять же, вопреки всему, прожил десять лет с потаскушкой из вечерней газеты, кое-что усвоил о том, как работают средства массовой информации. Никто не смог бы отследить айпи-адрес его компьютера до Розенбада, в этом он не сомневался.

Авторизация не требовалась. Его комментарий прошел сразу же. Томас сделал глубокий вдох и почувствовал, как приятная истома разливается по всему телу.

«Грегориус:

Андерс Шюман – ханжа!»

Получил, лицемерный дьявол.

Томас с удовольствием потянулся.

Ах, если бы он мог пойти и без всяких проблем сделать бутерброд!

Анника не привыкла жить в Сёдермальме. И само возвращение домой с работы по-прежнему оставалось для нее приятной процедурой, от станции метро «Медборгар-плацен» по Гётгатан и Катарина Бангатан к Сёдерманнагатан и квартире Джимми (нет, их собственной). Она вдыхала испарения от асфальта и разглядывала фасады домов, мимо которых проходила, каменных построек, воздвигнутых более ста лет назад с растущими между ними в хаотичном порядке деревьями, чьи ветки сейчас были мокрыми от дождя – ведь он почти не прекращался.

Жилище Джимми находилось на третьем этаже в построенном в 1897 году доме и состояло из шести комнат и кухни. Он получил его через свои контакты в профсоюзном движении (да, здесь явно просматривались признаки коррупции, вполне достойной того, чтобы «Квельс-прессен» занялась этим делом) и вписал ее в договор на аренду, документ, сравнимый с брачным контрактом, за исключением предисловия, поэтому теперь она стала его соучастницей.

Освещение в подъезде включалось по мере того, как она поднималась. Анника взбежала по лестничным маршам мимо отливающих свинцом смотрящих во двор окон и, тяжело дыша, остановилась перед латунной табличкой, слабо блестящей в свете ламп.

«ХАЛЕНИУС СИСУЛУ БЕНГТЗОН САМУЭЛЬССОН»

Фамилии их самих и их детей. При виде этой картинки у нее всегда частил пульс. Пожалуй, было лучше, когда она достигала ее чуточку запыхавшаяся, тогда реакция казалась не столь явной. Из-за своей вины и измены она порой еще стыдилась собственных чувств по поводу всей ситуации.

Анника открыла дверь своим ключом (ее собственным ключом к их с Джимми общему жилищу!), зудящими от нетерпения кончиками пальцев, шагнула в прихожую, стащила с себя куртку и сбросила с ног туфли.

– Всем привет!

Калле и Эллен выбежали из гостиной, торопливо обняли ее и исчезли – не хотели отвратиться от видеоигры.

А потом вместо них появился Джимми с взъерошенными каштановыми волосами, в переднике и тапочках и с деревянной ложкой в руке. У Анники перехватило дыхание. Ее руки сами потянулись к его лицу. Она почувствовала небритые щеки под своими пальцами и поцеловала его в губы, ощутив привкус бульонного кубика.

– Привет, – шепнула она.

– Привет, – тихо сказал он ей в ответ.

Анника почувствовала тепло его тела у себя на бедрах и животе, теснее прижалась к нему.

– Ты испачкаешься, – пробормотал он, касаясь губами ее рта. – Я пролил соус на передник.

Однако сам обнял ее за талию, притянул к себе. Она жадно поцеловала его.

– Когда будем есть?

Джимми отпустил ее, словно обжегся. Его дочь Серена стояла очень близко к ним. Ее глаза были холодными и черными.

– Через четверть часа. Не хочешь помочь Аннике накрыть на стол?

Но девочка лишь развернулась и удалилась в свою комнату.

Джимми исчез на кухне. Анника осталась одна в прихожей с шумом в голове и с ощущением тяжести между ног.

Она положила продукты, которые купила по пути домой, в холодильник и морозилку и накрыла стол в столовой – шесть столовых приборов с салфетками и ложечками для десерта.

– Ты не принесешь воду? – спросил Джимми, когда пришел с горшком тушеного мяса и подставкой для него.

Анника поставила на стол два графина с ледяной водой.

– Позови, пожалуйста, детей, – попросила она и устыдилась собственной трусости.

Серена и ее брат-близнец Якоб постоянно жили вместе с Джимми. Их мать Анджела Сисулу работала в южноафриканском правительстве и проживала в Йоханнесбурге. Она защитила докторскую диссертацию, подрабатывая фотомodelью, и Анника чувствовала себя ущербной по сравнению с ней.

Калле и Эллен первыми появились в столовой, и сын протиснулся к Аннике, чтобы оказаться рядом с ней. Она села за стол и принялась накладывать мясо на тарелки детей. Серена и Якоб постарались не встретиться с ней взглядом, когда занимали места за столом. Девочка пыталась во всем походить на мать, носила ту же прическу из массы мелких косичек и ходила в пестрых хлопчатобумажных блузках. Она с удовольствием разговаривала со всеми, за исключением Анники. Сторонилась ее, не позволяла помочь с волосами, или застегнуть молнию, или обнять на ночь. Ее тело становилось твердым как камень и чужим под пальцами Анники, как только та прикасалась в коже девочки. Мальчик же имел более светлую кожу и сильно походил на Джимми. Его волосы торчком стояли на голове, точно как у отца. Он был менее шумный, более застенчивый и немного легче шел на контакт.

Джимми сел напротив Анники и положил еду себе на тарелку.

– О'кей, – сказал он. – Наши успехи и неудачи за день. Калле начинает.

Калле тщательно прожевал мясо, проглотил его и положил нож и вилку на тарелку.

– Я забил гол, когда мы играли в футбол на большой перемене. Хотя Адам из 5-го «Б» толкнул меня так, что я упал в грязь.

Отчет Калле о том, как обстояли дела в школе, всегда касался его одноклассников и того, что они сделали или не сделали в отношении его, ссор и достижений.

– Новый Златан Ибрагимович, – сказал Джимми и хлопнул своей ладонью о ладонь мальчика. – Якоб?

– Нам вернули наши контрольные по математике, у меня все в порядке. По географии задали написать эссе о различных условиях жизни людей на Земле, о предпосылках выживания в разных местах, а я это уже делал, поэтому смог полазить по Google Earth взамен.

Анника старалась сохранить нейтральную мину на лице. Неужели хорошо, что десятилетний ребенок выражался таким образом? И никогда ни одной неудачи во время доклада за ужином, исключительно успехи. Он и Джимми тоже с шумом соприкоснулись ладонями.

Серена вытерла салфеткой уголки рта, прежде чем заговорила:

– У нас была генеральная репетиция мюзикла. Нео не выучил свой текст, а Лиам фальшивил, играя на гитаре.

Она вздохнула демонстративно.

Эллен поразмышляла немного, прежде чем ответила:

– А у нас была очень вкусная еда, блинчики с клубничным вареньем.

Она редко сообщала что-то негативное, хотя, по мнению Анники, за этим вряд ли стояло стремление добиться похвалы. Просто в силу своего характера она везде старалась найти позитив, в отличие от Калле и Серены.

– Сегодня мы в риксдаге поддержали предложение по новому закону, который увеличивает контроль в финансовом секторе, – сказал Джимми. – А по пути домой я ступил в лужу и промочил ногу.

Эллен хихикнула.

Анника еще не решила для себя, нравились ли ей бюрократические отчеты Джимми о работе правительства. Пожалуй, было хорошо, что дети могли расширить свой словарный запас и уже в таком возрасте начинали понимать, что работа не самое простое дело и надо отвечать за свои слова и действия, или, возможно, от этого они только больше задирали нос. Она не знала.

Джимми призывно посмотрел на нее. Она опустила свои столовые приборы.

– У меня маленькая радость сегодня: появился новый товарищ по работе, – сообщила она. – Молодой парень, он будет практиковаться в нашей газете этим летом, и мне поручили заботиться о нем, вот здорово. А то ведь как скучно было сидеть одной в автомобильной пробке в туннеле почти час.

– Послушать тебя, так ты работаешь водителем грузовика, – пробормотала Серена, не поднимая на Аннику глаз.

Анника сглотнула комок в горле так громко, что это не могло остаться неслышанным. В довершение всего она почувствовала, как ее глаза наполнились слезами. Почему эта девочка постоянно дерзит ей?

– Анника купила мороженое по пути домой, – сказал Джимми. – Кто-нибудь хочет его?

– Да-а! – закричали в один голос Калле, Эллен и Якоб.

Серена мотнула головой:

– Спасибо, мне не надо.

Анника убрала посуду, пока Калле доставал мороженое из холодильника.

Когда карамельная крошка, сладкий соус и бельгийская клубника стояли на столе, даже Серена сдалась и тоже взяла себе тарелку.

Потом Джимми исчез в своем гибриде кабинета и библиотеки. Эллен и Анника загружали посудомоечную машину. А остальные устроились перед телевизором.

– А разве мы не должны быть у папы на этой неделе? – спросила Эллен, ставя вилки в предназначенное для них отделение корзины для столовых приборов.

Анника как раз вытирала мойку.

– Да, собственно, но папа плохо себя чувствовал, и ему надо много сделать по работе...

– Но ведь у тебя и Джимми тоже много работы.

Анника отложила в сторону тряпку, села на стул у кухонного стола и посадила дочь на колени.

– Мне только в радость, когда вы можете быть со мной, – прошептала она и поцеловала ее в ухо.

– А ты не хочешь переехать домой снова? К папе?

Анника почувствовала, как у нее напряглись руки. Они хотели убраться, оттолкнуть девочку подальше.

– Мы с папой больше не любим друг друга. Я сейчас живу здесь, у Джимми.

– Но папа любит тебя. Он так сказал.

Анника сняла дочь с коленей.

– Спасибо за помощь, – сказала она. – Пойди поиграй. А потом еще долго сидела на кухне одна.

Я не понимаю, почему так происходит, как они могут быть такими совершенными, своеобразными. Порой я вижу себя в них и, пожалуй, Ингемара, но прежде всего они уникальны. Набор наследственных признаков у всех троих точно один и тот же, я это знаю, никогда не была ни с кем другим, кроме Ингемара, и, несмотря на это, они такие разные. Невозможно даже понять, что они родные братья и сестра.

Они часть меня, я зачала, выносила, родила их, но, начав дышать самостоятельно, они целиком и полностью стали принадлежать самим себе. Я не часть их. И меня столь же легко заменить, как и их отца. От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Собственноручно нанести себе такую рану, отрезать по живому часть себя, можно ли жить потом? Возможно ли это?

Мужчина расположился среди низких елей на лесной опушке. Эксперты все еще трудились в доме. По меньшей мере три, пожалуй, четыре человека – он видел их тени, которые резко очерченными пятнами чернели на фоне задернутых занавесок. И честно говоря, проникся уважением к их кропотливой методичной работе, некой гордостью за них: они серьезно отнеслись к своему заданию. Опять же, если им пришлось возиться так долго, значит, и он не оплошал, во всей красе продемонстрировал свои профессиональные навыки.

У него хватало терпения. Он никуда не спешил. Рано или поздно она должна была появиться. Ожидая, он сфокусировался на дыхании, это позволяло ему не уходить от реальности, заставляло постоянно находиться здесь и сейчас.

Хотя на самом деле он был в другом месте.

В ресторане в Стокгольме, куда пригласил коллегу-бизнесмена на ужин и обсуждал с ним покупку усадьбы с лесным наделом в Хелсингланде. Они пришли к пониманию, что запасы древесины там на самом деле значительно выше, чем это фигурировало в отчетах, вероятно, замеры проводились зимой, и глубина снежного покрова повлияла на результат.

Он чуть присел среди деревьев.

Конечно, отпечатки его обуви остались на мягкой земле, но он знал, что дешевые кроссовки уж точно никогда не приведут к нему или к его точной копии. И собирался избавиться от них, как только покинет Солсидан.

Он запрокинул голову и посмотрел вверх, прищурился, пытаясь разглядеть небо сквозь покрытые хвоей ветви. Дождь прекратился, но ветер гулял в кронах, и темные тучи заполняли все видимое пространство над ним. Завтра тоже следовало ожидать сырого и холодного дня. Это не радовало, при мысли о его возможном задании. Но и не сделало бы его невыполнимым, просто несколько усложнило. Личности, обитавшие с теневой стороны общества, обладали способностью оттаивать и выбираться на солнце, как только оно появлялось на небосводе, а это облегчало задачу.

Но он был не из тех, кто вешает нос. Всегда видел новые возможности там, где другие фокусировались на проблемах. Она, пожалуй, уже находилась в пути, возможно, просто ждала, когда эксперты заберут свои вещи и уберутся восвояси. Терпения у него в любом случае хватало. Да и не было причин спешить. Он увидел, как один из экспертов выпрямился и зевнул.

Наверное, ему осталось не долго ждать.

Рано или поздно она должна была появиться.

Вторник. 14 мая

Совещательная комната находилась в самом конце коридора на восьмом этаже. Нина переступила ее порог ровно в девять, мучаясь сомнениями, следовало ли ей прийти чуточку раньше или немного опоздать. Помещение оказалось большим и светлым, с явным излишком мебели и окнами по обе стороны. Стена напротив двери выполняла роль гигантской доски объявлений. На ней была сосредоточена информация об актуальных в данный момент делах, о которых Нина понятия не имела, и одно из них называлось PLAYA.

Другие сотрудники уже пришли, три человека, очевидно, весь состав новоиспеченной следственной группы. Комиссар К., один из присутствующих, сегодня был одет в розовую гавайскую рубашку. Крупный мужчина с лысиной на голове и настоящими бакенбардами подошел к ней и представился Юханссоном, секретарем группы. Он выглядел очень печальным. Нина пожала ему руку. Маленькая, напоминавшая куклу Барби блондинка, выдавшая ей вчера пропуск и компьютер, тоже оказалась здесь, звали ее Ламия Регнард, и она была следователем полиции. Ламия широко улыбнулась Нине.

– Будешь кофе? – спросил комиссар и протянул Нине чашку.

Она взяла ее и расположилась за одним из письменных столов. Другие сидели с блокнотами и стопками листов за соседними столами, перелистывали бумаги, что-то читали и прихлебывали кофе из чашек, подобных той, какую она сама держала в руке. Ламия сосредоточила все свое внимание на экране ноутбука.

– Почему ты считаешь, что Турция выиграет? – спросила она. – Они не занимали первого места после участия Сертаб в 2003 году.

– You make me wanna huh-huh, make me wanna uh-uh-uh, – сказал комиссар.

Нина посмотрела в направлении стены, где красовалась надпись PLAYA, чтобы скрыть растерянность.

– Every way that I can, I'll try to make you love me again, – пропела Ламия хрипловатым голосом.

– Финал в субботу, – пояснил Юханссон, глядя на Нину.

Коллеги обсуждали «Евровидение», догадалась она.

Юханссон раздал копии протокола обследования места преступления, сделанного экспертами, а потом снова принялся листать свой большой блокнот. Нина пробежала глазами семистраничный документ, стараясь прогнать из памяти воспоминания о неудачной вокальной импровизации Ламии.

– Кто начнет? – спросил комиссар и откинулся на спинку стула.

Ламия отставила чашку с кофе и отодвинула от себя компьютер.

– Пришли данные от оператора мобильной связи. Согласно им, жена Лерберга, Нора, послала сообщение на номер 112. Также удалось установить, что в момент его отправки сам источник информации находился в зоне действия Солсиданской станции. А от нее примерно четыреста метров до жилища супругов.

Мысли Нины на мгновение вернулись на место преступления. Она увидела Солсидан сверху – стоящий в конце узкой улицы дом, лес, тропинки в нем. Оттуда звонила жена. Почему она переместилась к станции, прежде чем связалась с центром экстренной помощи? Это наверняка заняло почти пять минут, а они могли стать решающими. У нее на то, наверное, имелась очень серьезная причина. Какая? Она явно хотела остаться в стороне. Или думала, что он мертв?

– Есть запись разговора? – спросил комиссар.

Ламия добавила себе в чашку кофе из термоса.

– Сигнал тревоги пришел не с помощью голосового сообщения, а посредством эсэмэски.

Нина открыла рот, собираясь возразить, что подобное невозможно, нельзя связаться со службой 112 таким образом.

– Если зарегистрировать номер заранее, это возможно, – предупредила ее вопрос Ламия. – Это легко сделать через Интернет, а Нора Лерберг так поступила с двумя своими мобильниками еще полгода назад, и 070-299-71-72, и 073-290-85-17.

Юханссон делал пометки для себя. Нина недоуменно уставилась на коллегу: зачем она выучила наизусть эти номера?

– Почему у нее два телефона? – поинтересовался комиссар.

Ламия кокетливо поправила волосы.

– У меня тоже два, – сказал Юханссон. – Рабочий и личный.

– Что значилось в эсэмэске? – спросил комиссар.

Ламия чуть наклонила голову.

– «Помогите». И потом адрес: Силвервеген, 63, 133 38 Нака.

– И Нора Лерберг так и не объявилась за ночь?

– Нет.

– Что мы знаем о ней?

– Нора Мария Андерссон Лерберг, родилась 9 сентября, ей исполнится двадцать семь в этом году, замужем за Лербергом уже восемь лет. Бросила учебу на экономическом факультете Стокгольмского университета. Домохозяйка.

«Зачем ей рабочий мобильник, если она домохозяйка?» – подумала Нина, но промолчала.

– О'кей, – кивнул комиссар. – Тогда напрашиваются естественные вопросы. Она мертва? Травмирована? Может, преступники забрали ее с собой? Есть уже требование о выкупе?

Ламия покачала головой.

– А дети?

– Находились еще с четверга у своей крестной, Кристины Лерберг, сестры Ингемара. Она проживает на Грусвеген, 15, в Викингсхилле.

– О'кей. С этого момента мы будем заниматься поисками Норы Лерберг в качестве отдельного расследования. Ты возьмешь это на себя, Ламия?

Женщина-Барби кивнула так энергично, что ее золотистые локоны подпрыгнули. Она придвинула к себе ноутбук и принялась одну за другой вводить команды в систему.

– Фактор риска велик, – сказала она, не прекращая печатать. – Больницы и морги проверили вчера. Компьютер Норы Лерберг и один ее телефон оставались в доме, компьютер находится у экспертов, и послан запрос на прослушивание мобильных.

Нина посмотрела на блондинку, а потом опустила взгляд в свои бумаги, перелистала их лихорадочно – где у нее была эта информация?

– Заказаны данные по ее кредитным картам и банковским счетам, плюс списки пассажиров, – продолжила Ламия. – Коллеги из Наки беседуют с соседями.

– Мы получим протоколы в течение дня, – сказал комиссар и повернулся к Юханссону: – Что говорят эксперты?

Юханссон закончил со своей писаниной, на это ушло около минуты. Все ждали в тишине. Нина почувствовала, что ее руки вросли в колени. Потом он откашлялся.

– На втором этаже, где его нашли, скорее всего, и происходило избиение. Там во многих местах обнаружены следы крови и слюны, в прихожей, в спальне, на лестнице, возможно, также в детской комнате.

Юханссон вытащил из кармана бумажный носовой платок и высморкался. Нине показалось, что секретарь промокнул слезы с наружных уголков глаз.

– Во всем доме найдены отпечатки пальцев шести человек, – продолжил он. – Троих детей и троих взрослых.

– Также и в родительской спальне? – уточнил комиссар.

– Также и в родительской спальне.

– Им кто-нибудь помогал по дому? С уборкой, детьми?

– Неясно пока.

Мужчина перевернул страницу своего блокнота.

– Мы не нашли внешних повреждений в жилище, абсолютно никаких признаков взлома.

Все двери были закрыты, когда прибыли патрульные. Преступник, выходит, запер их за собой, уходя. Похищено что-то или нет, пока трудно сказать. Обычно популярные среди воров предметы, как то компьютеры, айподы, телефоны и прочая электроника, похоже, все остались на месте. Возможно, какие-то вещи и исчезли, но пока никто не может констатировать этого.

– Предприятие Лерберга?

Юханссон потянулся за новой стопкой бумаг и перелистал их.

– Фирма имеет трех крупных заказчиков, которые обеспечивают ей девяносто процентов оборота: судоходную компанию в Панаме, еще одну на Филиппинах и экспедиторскую фирму в Испании.

– Ты проверяешь их? – спросил комиссар у Ламии.

Юханссон поверх очков окинул всех остальных по порядку взглядом.

– Эксперты закончили около трех ночи, но мы пока не снимаем ограждения.

– А его политическая деятельность?

Юханссон откашлялся:

– Лерберг был членом социальной комиссии, они отвечают за финансирование вопросов, связанных с детьми и молодежью, за денежные пособия, прием беженцев, уход за престарелыми и инвалидами, за работу по профилактике разных форм зависимости.

– Целый букет областей, где надо трудиться не покладая рук, – подытожил комиссар. – Распределение денег, обустройство беженцев, вопросы наркомании, алкоголизма и психических заболеваний. Поступали какие-либо угрозы в адрес Лерберга?

– У СЭПО нет таких данных, – ответила Ламия.

– Он занимался особо деликатными вопросами? Свободная иммиграция? Упраздненные социальные пособия?

– Нака занимается этим.

Комиссар повернулся к Нине:

– Как жертва чувствует себя сегодня утром?

– Я разговаривала с врачом совсем недавно. Состояние Лерберга не изменилось. Он по-прежнему в искусственной коме.

– Ты можешь рассказать о его повреждениях?

Нина полистала свои записи и бросила короткий взгляд на Ламию. Та содрала кожуру с апельсина, отломив от него дольку и с улыбкой протянула Нине.

– Ах нет, спасибо, – отмахнулась Нина. – Его избили, вероятно, в ночь с четверга на пятницу на прошлой неделе. Похоже, преступники, поскольку их, скорее всего, было как минимум двое, последовательно использовали хорошо опробованные на практике методы пыток. Насколько детально мне надо...

– Продолжай, – сказал комиссар.

– Falaka, по-турецки удары по ступням, один из древнейших известных нам способов... Они наносятся палкой или дубинкой и вызывают сильную боль, которая начинается в ногах и потом поднимается вплоть до головы.

Юханссон записывал не прерываясь, одновременно покачивая головой. Ламия ела свой апельсин, тщательно облизывала пальцы после каждой дольки. Комиссар с интересом смотрел на Нину. Она отвела взгляд от чавкающей Ламии.

– Ингемара Лерберга били по подошвам твердым тупым предметом, возможно, плеткой или телескопической дубинкой... Последнее – мои собственные догадки. Обе его руки вывернуты из суставов, к нему, возможно, применили пытку под названием Spread-eagle (Орел с распростертыми крыльями)...

Плечи Юханссона стали дрожать. Нине даже показалось, что он плачет.

– То есть жертве связывали руки за спиной, а затем подвешивали за запястья. В плечах при этом создается огромное напряжение, и подвергнутый такой процедуре довольно быстро теряет сознание от боли.

– Где на месте преступления можно было осуществить такую пытку? – спросил комиссар.

Нина задумалась на секунду, представила себе, как выглядит дом внутри. На потолке имелись крюки для ламп, но ни один из них не выдержал бы вес взрослого мужчины. Никаких массивных предметов мебели она не сумела вспомнить.

– Возможно, на лестнице на второй этаж. Наверху в прихожей есть железные перила, они, возможно, привязывали веревку там.

Нина посмотрела на комиссара, он кивнул, предлагая продолжать.

– Его подвергли пытке Cheera, или Tearing, как ее также называют. Она состоит в том, что ноги раздвигают, пока мышцы не начинают рваться. У Лерберга множественные внутренние кровотечения в паху.

Секретарь высморкался снова. Ну да, он явно плакал. Нина быстро посмотрела на Ламию и комиссара, но никто из них, похоже, не обратил внимания на странную впечатлительность этого мужчины. Она обратилась к третьей странице протокола экспертов.

– Пластиковый пакет, который нашли в детской комнате, возможно, использовался для способа под названием Dry Submarino. Это метод удушения. У Лерберга есть признаки недостатка кислорода. И еще его били прежде всего по лицу, и одно глазное яблоко имеет следы проколов.

Нина сглотнула, ее слегка подташнивало. Комиссар кивнул ободряюще:

– И что это говорит о наших преступниках? Могут использованные ими пытки привести нас к определенной небольшой территории на карте?

– Falaka особенно популярна на Среднем Востоке. Cheera используется, помимо прочего, в Индии и Пакистане, Spread-eagle называют также палестинским повешением и используют, например, в Турции и Иране.

Юханссон записывал. Ламия начисто облизала пальцы от апельсинового сока.

Комиссар поднялся.

– И если особенно не ломать голову, выходит, мы имеем дело с кем-то с юго-востока?

– Вовсе не обязательно, – возразила Нина. – Эти методы хорошо известны повсюду. Submarino также называют La Bañera, что скорее указывает на юго-запад, чем юго-восток.

– Чертовски неприятно, – сказал комиссар. – Чем занимался Лерберг по работе? Это имело отношение к подводным лодкам?

– Координированием морских грузоперевозок, – уточнила Ламия.

– И что же такое он, черт возьми, перевозил, если его так жестоко обработали? Наркотики, деньги, похищенных младенцев, ядерное оружие?

– Он ничего не перевозил, устраивал только так, чтобы суда получали самые разные грузы и не ходили пустыми между портами, – уточнила Ламия.

Комиссар посмотрел на залитое струями дождя оконное стекло и вздохнул.

– Просто ужас какой-то. Откуда столько воды там наверху? – Он снова повернулся к Нине: – Я хочу, чтобы ты выяснила, в чем дело. Ты права, преступников было по меньшей мере двое, но из-за чего они подвергли Лерберга столь ужасным мукам? Ламия, затребуй его бухгалтерию. И где, черт побери, его жена? Они забрали ее с собой? Но в таком случае куда и почему?

Нина быстро записала указания комиссара. Когда она подняла глаза, Ламия вновь стучала по клавиатуре ноутбука. Юханссон высморкался. Комиссар уже покидал комнату.

Нина поняла, что встреча закончилась. Она продолжалась ровно двадцать две минуты.

Редакция безмятежно дремала, утопая все в том же сероватом свете, как это происходило на протяжении всего года, и причина заключалась не только в изменениях погоды за окном. После того как центр тяжести журналистики сместился от бумажной к интернет-версии, ранее резко очерченные временные рамки подготовки материалов стали более размытыми, цикличность работы исчезла, и редакционное дыхание остановилось. Не существовало больше никакого конечного срока, или, точнее говоря, каждая секунда стала таковым.

Анника поставила кружку с налитым из автомата кофе на письменный стол и посмотрела на свое отражение в мокром от дождя стекле.

В каменном веке, когда ее только взяли в штат, «Квельс-прессен» обычно печатали двумя тиражами: один, с пятью крестами, предназначался для провинции, а другой, с тремя, – для больших городов, их пригородов и близлежащих районов. В случае каких-то чрезвычайных событий выпускался также дополнительный тираж с одним крестом – эксклюзивное новостное приложение, распространяемое только в Стокгольме. И редакционный механизм функционировал исходя из соответствующих сроков. Утро уходило на восстановление сил и размышления о смысле жизни, планирование и, в лучшем случае, на более приземленные мысли. И свет тогда был всегда белым, мерцающим и прозрачным. Позволявшим отдыхать в нем, в сопутствовавшей ему звенящей тишине. Однако после обеда шум усиливался. Ножки стульев начинали все громче скрести по покрытому линолеумом полу. Напряжение возрастало. Что поставить на первую полосу? Нет ли чего в заголовках? Чем удивило радио? И еще всякая всячина! Как обычно, требовалась пестрая смесь. Развлечения, спорт и что-то забавное! Есть какие-нибудь смешные зверюшки для шестнадцатой полосы? Кошка, совершившая прогулку длиной сто восемьдесят километров до своего дома? Замечательно! Фотографии! Имя и возраст кошки!

Когда на город опускалась темнота и дневной народ отправлялся по домам, свет сосредоточивался островками вокруг столов редакторов новостей, спорта и развлечений. Шум немного стихал. Обстановка накалялась, ритм увеличивался, концентрация возрастала до максимума. Когда время приближалось к 4.45 – последнему сроку, чтобы успеть на самолет в Норланд, эмоции зашкаливали. Волосы у всех стояли дыбом, ручейки пота бежали по покрасневшимся лицам, безумные крики эхом отражались от обитых гипсокартоном стен, и именно тогда неожиданно раздавался звонок из типографии, и по какой-то причине речь всегда шла о том, что к ним не пришла желтая краска, нельзя ли поскорее прислать ее? А потом, с «боем часов», наступала разрядка; в ту минуту ночной выпускающий редактор отправлял последний цветной файл, и приходило сообщение, что кто-то скатал в Акаллу, и там печать шла полным ходом. Тогда всех охватывало облегчение, плечи опускались, клавиатуры отодвигали в сторону. Все это осталось далеко в прошлом сегодня. Анника не понимала, почему еще помнила об этом.

Анника опустила сумку и мокрую куртку на пол и подключилась к беспроводной сети, в качестве стартовой страницы у нее, естественно, стояла интернет-версия «Квельспрессен», панорама всей жизни общества на базе самых современных технологий, где все управление осуществляется несколькими манипуляциями с мышкой. И в этом не было причины для печали. Реализация права граждан на информацию в экстремальном варианте. Дать народу то, что он хочет. Если ты жаждешь узнать, кто с кем спал в шоу Big Brother этой ночью, просто кликни здесь! А потом смотри, пусть и не в самом лучшем качестве, как дешевый поддельный ритмично двигается то вверх, то вниз, и не забывай ставить плюсики в «Фейсбуке»! Или наблюдай за автомобильной погоней, отслеживай безумную гонку до самого конца!

Смотри, как индус выкатывает глаза, но осторожно, это кадры не для слабонервных! Самое читаемое – рубрика «В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ!».

Обновление интернет-страницы происходило непрерывным потоком, приносившим все новые сюжеты.

Она посмотрела в сторону стеклянного бункера Шюмана. Он читал что-то на экране своего компьютера, уйдя в это занятие с головой, словно речь шла о чем-то невероятно важном. Забавно. Он сделал «Квельспрессен» крупнейшей бумажной газетой Швеции, когда это уже не играло никакой роли. Когда бумажные тиражи лишь обеспечивали маркетинг для цифровой версии. В зачет шли только Интернет, а там они безнадежно отставали, несмотря на все инвестиции в инфраструктуру и высокотехнологичные решения, и андроидные платформы. «Конкурент» владел Интернетом благодаря не своей журналистике, а рекламе товаров и интерактивной карте с картинками улиц, позволявшей выяснить, как добраться из пункта А в пункт Б.

– Доброе утро.

Анника подняла глаза от экрана. Молодой журналист-практикант выглядел до неприличия бодрым.

– Могу я сесть здесь?

Он поставил свой рюкзак на место Берит.

– Само собой, – сказала Анника. – Добро пожаловать в цитадель свободы слова нового дня.

Вальтер Веннергрэн бросил на письменный стол последний номер отмирающей бумажной версии газеты, снял куртку и, положив ее рядом, сел.

– Чем ты будешь заниматься сегодня? – спросил он с любопытством.

– Лербергами, – ответила Анника. – Мы должны не спускать глаз с Ингемара, совершенно независимо от того, очнется он или умрет, это одно дело. А второе – его жена сейчас в розыске. «ГДЕ НОРА?» Ну, ты понимаешь... Если кто-то обнаружит фотографии детей, мы изменим заголовок на «ГДЕ МАМА?». Или еще лучше: «МАМА, ГДЕ ТЫ?»

Анника протянула ему снимок Норы, который распространила полиция, портретного типа из семейного альбома, дополненный описанием. Нора Мария Андерссон Лерберг, двадцать семь лет, рост сто шестьдесят восемь сантиметров, длинные волосы пепельного цвета, серо-голубые глаза, нормальное телосложение, вес примерно шестьдесят пять килограммов. Вероятно, носит крест на шее, а также обручальное кольцо, без камня, из золота 750-й пробы. Одежда на момент исчезновения не известна. Кожа чистая, использует макияж. Принимает левотироксин из-за проблем со щитовидной железой. Не использует больше никаких других лекарств и не имеет аллергии.

– С удовольствием ее вывешу. – Практикант взял фотографию и быстро пробежал по ней взглядом. – Я хотел бы только сначала кое о чем спросить.

Анника вошла в «Фейсбук».

– Конечно, – кивнула она.

В самом верху на новостной ленте сообщалось, что ее коллега Хеландер позавтракал с секретным источником в «Шератоне». (Если имя информатора действительно требовалось сохранить в тайне, зачем понадобилось писать, где и когда он встретился с ним?)

Вальтер Веннергрэн снова взял газету и принялся листать.

– Вот, на странице тринадцать.

Анника оторвала взгляд от экрана и посмотрела на парня.

– Речь идет о Густаве Холмеруде, – пояснил Вальтер.

Она отодвинула в сторону компьютер и подвинула к себе экземпляр газеты. Честно говоря, теперь по утрам она даже не удосуживалась перелистать ее.

– Что тебя заинтересовало? – спросила она и открыла нужный разворот.

На двенадцатой странице помещалась реклама лотереи нового типа. А на тринадцатой доминировали две фотографии. На одной был запечатлен улыбающийся мужчина, одетый в бумажный колпачок и слюнявчик, а на другой – молодая женщина в студенческой шапке.

«Я УБИЛ ЖОЗЕФИНУ», – гласил заголовок. «Маньяк признается в новом убийстве», – прочитала Анника расположенное чуть ниже пояснение, набранное мелким шрифтом. И сразу же узнала эту блондинку, Ханну Жозефину Лильеберг из деревни Тебю, девятнадцати лет, найденную убитой на Кунгсхольмене в Стокгольме пятнадцать лет назад.

И пусть с той поры минуло много лет, Анника отчетливо вспомнила те события, словно все произошло вчера. Ее первое лето в «Квельспрессен», когда она подменяла отдыхавших в отпуске сотрудников, неимоверно жаркий день в конце июля, то, как она смотрела на место преступления сквозь черные железные прутья. Глаза Жозефины, смотревшие прямо на нее, мутные и серые, ее запрокинутую голову, открытый в беззвучном крике рот. Синяк на левой груди, уже приобретающий зеленый оттенок живот. Шершавый серый камень на заднем плане, тени от листьев, сырость и жару, тошнотворный запах.

– Почему никто другой не пишет об этом? – поинтересовался молодой человек.

Анника положила руку на щеку улыбающейся девушки.

– Пожалуй, у нас источники лучше, чем у других, – сказала она тихо.

Сегодняшнюю статью написал Хеландер. Основной текст представлял собой сумбурный отчет о фантастическом прорыве в поисках неизвестного убийцы Жозефины – сейчас, наконец, вроде бы появился шанс раскрыть тайну убийства этой молодой женщины после пятнадцати лет неизвестности. Анника посмотрела в сторону окна, на дождь, оставлявший следы на стекле.

– Это было нестерпимо жаркое лето, – сказала она. – Знаешь, тогда Швеция превратилась в банановую республику: плюс сорок на улице, проценты по кредитам высотой до небес, и мы здорово преуспели в футболе...

Вальтер Веннергрэн, ничего не понимая, захлопал глазами. Ну конечно, это же было в каменном веке, и он еще тогда ходил в садик.

– Жозефину нашли за надгробием на маленьком еврейском кладбище в Крунубергском парке. Она лежала там голая, задушенная... Считалось, что это сделал ее парень. Его звали Йоахим. Он так никогда и не предстал перед судом.

– Но сейчас Густав Холмеруд взял ее смерть на себя. Этого достаточно для обвинения?

Анника сложила газету, допила остатки кофе из кружки и встала, держа ее в руке.

– Вероятно, нет. Сейчас Холмерудом занимается новый прокурор, старый пошел на повышение. Я пойду принесу еще кофе, ты будешь?

Парень выглядел испуганным.

– Ты действительно это пьешь?

На ее столе ожил телефон. Звонил Андерс Шюман:

– Анника, ты можешь зайти ко мне?

Он наблюдал, как Анника Бенгтзон совершила прогулку до кофейного автомата. Ему стоило серьезно подумать о дресс-коде для сотрудников редакции, он не должен позволять, чтобы репортер, выглядевший таким образом, представлял его газету где-то в городе. На ней было некое подобие пиджака, джинсы и мягкая блузка, и она явно не вымыла сегодня волосы.

Журналистка отодвинула в сторону дверь и сунула голову в его кабинет.

– Что?

– Входи и закрой за собой дверь.

Анника шагнула внутрь и поступила со стеклянной дверью согласно его приказу, повернулась к нему, но дальше не сдвинулась с места. Вообще-то вблизи ее одежда выглядела не столь уж плохо. Сидела немного странно, словно Аннике утром не удалось упаковать себя в нее надлежащим образом. И джинсы определенно были ей велики.

– Как дела? – спросил он, пытаясь придать лицу непринужденное выражение.

– Нора Лерберг объявлена в розыск, – сказала Анника. – Чертовски странный случай. Я собираюсь съездить на разведку чуть позже.

– Я хорошо знаю Ингемара Лерберга. Вернее, знал, – поправился он. – Хотя мы и контактируем в последнее время очень редко. Хороший парень.

– На самом деле?

– Его политические идеи, пожалуй, немного радикальные...

– О том, что люди с индексом массы тела больше тридцати не должны охватываться всеобщим медицинским страхованием, ты это имеешь в виду? Или что в библиотеках надо иметь только «одобренные» книги...

Шюман встал, явно раздраженный.

– Ты видела это? – спросил он вместо ответа и повернул компьютер так, чтобы она могла прочитать.

Анника подошла к его письменному столу и наклонилась к экрану.

– «Свет истины», – прочитала она. – И что это?

– Блогер, – сказал Шюман и показал на свое кресло. – Садись.

Анника смотрела на него одно мгновение, потом села в его широкое офисное кресло, придвинулась ближе к монитору и стала читать.

– Это второй опус, – сообщил Шюман. – Вчера он написал еще один.

– Я вижу, – ответила Анника.

– Он утверждает, что Виола Сёдерланд мертва. Его источники – два бывших партнера Виолы, их осудили за экономические преступления и непорядочность в поведении кредитора в связи с банкротствами при реконструкции шпиля Золотой башни. Это Линетт Петтерссон и Свен-Улоф Виттерфельд, два свидетеля истины... Если верить ему, я обманом получил оба моих журналистских приза, якобы сделал документальный фильм о Виоле Сёдерланд по заданию страховой компании так, чтобы не пришлось выплачивать никакой страховки ее детям. Он пишет, что...

– Я вижу, – перебила Анника.

– Все указывало на то, что она была жива, – отстаивал свою правоту Шюман. – В ту пору, во всяком случае, когда я создавал мой фильм. К настоящему времени, возможно, она и умерла, я не знаю...

Шюман потянулся за распечаткой сегодняшнего опуса, прочитал его еще раз, пока Анника занималась тем же.

Там имелась сделанная сверху фотография Викингавеген, не от его дома, а с расстояния в несколько сотен метров.

– Так вот о чем вчера говорил Боссе, – задумчиво произнесла Анника.

Шюман удивленно захлопал глазами:

– Кто?

– Криминальный репортер. Из «Конкурента». Он упоминал это вчера, на месте преступления, в Солсидане.

Шюман почувствовал, как волна злости нахлынула на него, подобное он ведь должен был предвидеть. Ему требовалось положить этому конец и разобраться, как такое случилось.

– Почему ты ничего не сказала?

Анника убрала волосы со лба.

– Не сказала о чем? Что кто-то люто тебе завидует? – Она снова сосредоточилась на тексте. – У того, кто написал это, явно проблемы с головой. «Забыв о культуре, морали или других вечных ценностях, он отравляет своим присутствием наш мир, отбирает предназначенные нам кислород и пространство...» Недостаточно, если ты уйдешь в отставку, в его понимании, ты должен умереть?

Шюман почувствовал, как у него пересохло во рту.

– Похоже, именно так.

– Почему ты решил, что это мужчина? Маниакальными завистницами могут быть и женщины. Анна Снапхане – наилучший тому пример...

Она произнесла последнюю фразу спокойным тоном, словно грубые публичные нападки со стороны бывшей подруги совсем ее не тревожили. По мнению Шюмана, все обстояло диаметрально противоположно.

– И чего он хочет? – спросила Анника, поднимая на собеседника глаза. – Какова цель, если, конечно, такая существует? Понимаешь ты это? Или всему виной лишь старая добрая зависть?

Шюман опустился на стул для посетителей:

– Я не знаю. И представить не могу, какое из моих действий могло вызвать такую реакцию. Восемнадцать лет назад я снял телевизионный документальный фильм об исчезнувшей миллиардерше, где привел доказательства, указывавшие на то, что она все еще жива. Даже не утверждал этого.

– Не могу согласиться, – сказала Анника. – Я помню тот фильм, его использовали в качестве учебного пособия на факультете журналистики. Ты же утверждал, что она жива.

– Все указывало на это, – стоял на своем Шюман.

– Похоже, «Свет» истины не задумывается о формулировках, – сказала Анника и прочитала дальше: – «Он преднамеренно солгал и обманул весь шведский народ, этот рыцарь порядочности, без оснований присвоивший себе такой титул...»

– Да, да, – перебил Аннику Шюман. – И как мне действовать сейчас?

– Честно? – Анника посмотрела на него. – Наплюй и забудь. Ты все равно ничего не сможешь изменить.

Она встала. Главный редактор почувствовал себя разочарованным.

– Он утверждает, что я получил взятку от страховой фирмы и купил мою «шикарную виллу» в Сальтшёбадене на те деньги! Полная чушь. Это родительский дом моей жены, мы приобрели его более трех десятилетий назад, за двенадцать лет до того, как я снял тот документальный фильм.

– Стоит тебе начать отбиваться фактами, ты только усилишь его позиции.

– Но он ведь лжет! Я могу доказать, у меня сохранился договор на покупку...

– «Говори в гневе, и это будет лучшая речь, о которой ты когда-нибудь пожалеешь...»

Шюман закрыл глаза. Боже праведный, сейчас она процитировала ему Черчилля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.